

Часть вторая. «Долгая ночь Империи»

Собственно, с чего же начался для Луизы Париж в тот давний день, когда она, робкая провинциалка, поддерживая под руку маму Марианну, впервые вышла из омнибуса на площади Бастилии?

Это было символично, что знакомство с Парижем началось для нее именно с той площади, о которой ей так много рассказывал дедушка Шарль и посреди которой в течение пяти веков оплотом деспотизма возвышалась, устрашая Париж, чудовищная каменная громадина Бастилии. Никто никогда не узнает, сколько драгоценных жизней сглодали ее каменные челюсти!..

Сейчас на месте мрачной крепости-тюрьмы взметнулась колонна, увенчанная позолоченной фигурой крылатого гения Свободы, — в ее подножии тлеют останки героев тридцатого и сорок восьмого годов, имена их выгравированы на колонне. Но в память о недобром прошлом зловещими черными камнями выложены на площади очертания снесенной народом темницы.

Луиза стояла и пыталась представить себе, как в годы юности старшего Демаи здесь десятки тысяч людей самоотверженно бросались на штурм династической твердыни Валуа и Бурбонов. Вот на эти камни падали мертвые, и их кровь пламенела на серых плитах.

День выдался удивительно ясный, прозрачный. Купол собора на той стороне площади блестел, словно по нему стекали струи расплавленного серебра.

Сотни парижан и парижанок торопливо бежали по своим делам, не обращая внимания на тоненькую темноглазую девушку. А она всматривалась в открывающийся ей тысячелетний город и благодарила судьбу за то, что был в ее жизни старый дед, который когда-то, взяв ее за детскую ручонку, водил по многовековой истории Франции...

— Что, Луизетта? — спросила Марианна, поглядывая на дочь из-под туго накрахмаленного чепца. — Тебе нехорошо, девочка?

— О нет, мама! — отозвалась Луиза. — Я узнаю Париж!

— Узнаешь? Но ты же здесь никогда не была!

— Он всегда жил в моем сердце, мама!

Это было летом 1851 года.

Луиза тогда только что окончила курсы в пансионе мадам Дюваль в Лансьи, получила диплом учительницы. Она и уговорила мать съездить в Париж, поклониться великому городу, его камням, его святыням. Она так давно, еще при жизни деда, мечтала побывать в Париже, где сейчас жили Гюго и Дюма, Беранже и Бодлер, где недавно уснули вечным сном Стендаль и Бальзак!

Маму не пришлось уговаривать; у нее были кое-какие сбережения, а Луизетта с осени начнет зарабатывать, почему бы и не побаловать единственную дочку? Да и самой Марианне Мишель, никогда не бывавшей дальше Шомона, любопытно было посмотреть величественный город, по праву стяжавший славу «столицы мира».

И вот, Луиза, Париж! Дворцы, поражающие гармонией линий, величием скульптур и роскошью отделки; соборы, пронзающие шпилями облака; одетая серым гранитом Сена; средневековая готика Нотр-Дам; бесчисленные Людовики и Карлы, скачущие на бронзовых и чугунных конях из века в век!

Луиза бродила по Парижу в одиночестве, ее вело невыразимое словами желание смотреть, впитывать аромат неповторимого города, дышать его воздухом, подмечать на изъеденных временем камнях отметины истории.

В Лансьи, к одной из подружек Луизы по пансиону, Терезе Бруссэ, как-то приезжал из Парижа брат, художник, поклонник и ученик знаменитого Курбе. Вспыльчивый, экзальтированный, с худым лицом, обрамленным каштановой бородкой, Камилл много рассказывал Луизе о последней революции. Пролетарствовавший около восемнадцати лет, до полусмерти перепуганный восстанием, Луи Филипп отрекся от трона и бежал в Англию. Но... революция не победила: после яростных сражений восторжествовали сторонники нового узурпатора — Луи Наполеона. Но словам Камилла, в Париже в конце июня произошло такое чудовищное избиение восставших, равного которому город не знал за всю свою историю.

— О, вы, мадемуазель Луиза, не представляете, на что способны рвущиеся к власти ничтожества! — Камилл встряхивал падавшими на плечи волосами и размахивал коротенькой вересковой трубкой. — Ведь Луи Бонапарт уже не раз пытался вскарабкаться на трон покойного дядюшки. Он, видите ли, считает себя единственным наследником Наполеона, а всех прочих претендентов — самозванцами и мошенниками. Страсбургский и Булонский заговоры кончились для него худо: первый — высылкой в Америку, второй — пожизненным заключением в крепость Гам. Но из Гама ему удалось бежать. И вот, когда обезумевший от страха Филипп показывает французскому народу царственный зад, Баденге — здесь! Да, он мечтает о своем восемнадцатом брюмера! Но его час еще не пробил! В феврале сорок восьмого народ отдает свои симпатии и доверие Бланки, Распайлю, Барбесу, республиканцам. А в июне генералы Кавеньяк и Клеман Тома по приказу Луи Наполеона расстреливают парод на улицах и площадях Парижа. Ты-ся-чи! Уже после окончания боев убито одиннадцать тысяч! Восстание раздавлено, и новый Бонапарт становится президентом! Мне до сих пор снятся те дни, и я просыпаюсь от собственного крика...

Камилл до провалов в щеках затягивался трубкой. Его потертая бархатная куртка была испачкана красками — охрой, суриком, киноварью, а Луизе представлялось, что это — следы

крови.

— И поверьте слову, мадемуазель Луиза, — сказал ей Камилл перед отъездом, — июнь не конец! Баденге — падаль, возомнившая себя Цезарем, ему недостаточно президентства. Он еще прорвется к единовластию! Если даже ему придется шагать по миллионам трупов!..

Вот об этих словах и вспоминала Луиза, бродя по набережным и улицам Парижа, браня себя за то, что не взяла у Терезы здешнего адреса Камилла. Она знала лишь, что он живет где-то на Монмартре, давнем прибежище нищих художников, вряд ли, не зная адреса, удастся его найти. Хотя, возможно, там знают мастерскую Курбе. В прошлом году во всех газетах писали о его картинах «Дробильщики камня» и «Похороны в Орнана»...

Долго стояла перед зданием Ратуши, затем медленно двинулась по правому берегу Сены на запад, мимо строгого Лувра и похожего на колоссальный шоколадный торт Тюильри, перешла по мосту Согласия на левый берег и, замедляя шаги, прогулялась по набережной д'Орсей, разглядывая колонны и величественный портик Бурбонского дворца.

Вдоль фасада четко шагали вымуштрованные гвардейцы в красно-синих мундирах — охраняли новоявленных властителей государства... Интересно, что эти, новые, принесут Франции? Если будут продолжать так, как начали в июне, то... Неужели Камилл прав и страну снова ждут испытания и невзгоды?..

В тот, первый, парижский приезд она побывала на площадях Вандомской и Конкорд, пытаюсь представить себе, как здесь из-под треугольного ножа только что изобретенной гильотины упали в корзину царственные головы Людовика Шестнадцатого и Марии-Антуанетты, как мужественно встретили здесь смерть Робеспьер и Дантон...

Сейчас на площадях было удивительно спокойно и тихо. Мирно разгуливали и перепархивали тысячи голубей, — дети, старики и старушки кормили птиц зернами и хлебными крошками. Стеклянно щебетали фонтаны, их струи изгибались в лучах солнца многоцветными радугами.

Да, Париж! Не надоест смотреть, не надоест слушать!

Но было в городе и еще одно, заветное для Луизы место — бывшая Королевская площадь, три года назад переименованная в площадь Вогеэ, — там жил Виктор Гюго! Луиза и сама еще не знала, решится ли посетить известного всему миру поэта и романиста, академика и пора Франции, члена Законодательного собрания Второй республики.

Необходимы были и дерзость, и решительность, и известная вера в себя, чтобы поднять руку к бронзовому молотку, висевшему перед резной дубовой дверью! Но в кармане жакеточки Луизы шелестели странички присланных ей некогда писем: Гюго с похвалой отзывался о ее стихах, благословлял на творческий путь! А вдруг увенчанный славой великий мэтр не позабыл темноглазую девочку из департамента Верхняя Марна, где он навещал покойного Шарля Демаи? Ведь он тогда не раз клал ей на голову свою широкую ласковую ладонь, а она играла ему на фортепьяно «Марсельезу».

И все же не один круг сделала Луиза по старинной площади, посреди которой гарцевал на бронзовом коне Людовик Тринадцатый. С опаской посматривала на окна третьего этажа, прикрытые бархатными шторами, не сразу подняла к бронзовому молотку руку. Но — подняла!

Дверь открыла толстая седая консьержка в очках и на несмелый вопрос Луизы пожала плечами.

— О, мадемуазель! Неужели не знаете? Мосье Гюго не живет здесь уже три года! Это известно в Париже каждому!

Старуха рассматривала молоденькую провинциалку почти с жалостью, но, на счастье Луизы, оказалась словоохотливой и к тому же любила похвастаться знакомством с великим человеком.

— О, супруга мэтра, госпожа Адель, тогда все рассказала мне! — гордо изрекла она, складывая на могучей груди багровые руки. — Да я и сама была свидетельницей непростительного кощунства!

— Какого кощунства?!

И снова толстуха посмотрела с нескрываемым сожалением и, шумно вздохнув, распахнула дверь.

— Входите, мадемуазель! Я расскажу вам все!

Так Луиза узнала, что три года назад, в дни июньского восстания, двадцать четвертого, Гюго отправился на заседание Ассамблеи, и там депутат Белле сообщил ему, что Королевская площадь охвачена пожаром, какие-то негодяи, проникнув из переулка Гемене в дом № 6, подожгли квартиру Гюго. К счастью, Белле оказался рядом и помог мадам Адель Гюго укрыться в безопасном месте.

«Сейчас, Виктор, ваша семья находится у трубочиста Мартиньони. Знаете дом на углу с аркадами? Вот там».

Охваченный страхом за сыновей, Гюго на случайно подвернувшемся фиакре домчался до Королевской площади. К счастью, никто из его близких не пострадал.

— А ведь вы, мадемуазель, видимо, и того не знаете, какое ужасное горе перед этим постигло мосье Гюго? — с блестящими от слез щеками продолжала консьержка. — О, я никогда не забуду проклятую осень сорок третьего! Представьте — на Сене перевернулась яхта мосье Шарля Вакери, мужа незабвенной Леопольдины, любимой дочери мэтра! О, какой то был ужас, у меня нет слов! Шарль пытался спасти жену, и они утонули в объятиях друг друга. Если бы вы видели в те дни мосье Виктора! Воплощение страдания! Я думала, он не переживет, клянусь всевышним! К счастью, у него остались сыновья...

Старуха вытерла платочком глаза и, немного успокоившись, спросила:

— Вы пришли к мосье со стихами? Да? К нему многие приходят, и он не отказывает никому. О, у него поистине великое сердце! А живет он сейчас, мадемуазель, на улице Тур-д’Овернь, на южных склонах Монмартра. Там хорошо, тихо, зеленые сады, трава прямо на улице...

После долгих колебаний Луиза все же решила отправиться на Монмартр.

Вздохмаченный лобастый человек встретил ее на пороге залитой солнечным светом комнаты, набитой книгами от пола до потолка. В глубине виднелся заваленный газетами и листами бумаги письменный стол, в костяном бокале белели гусиные перья. Тускло поблескивала на столе медь подсвечников, а в затененном углу розовел мрамор женской фигуры.

Луиза мгновенно оглядела Гюго. Увы, он постарел, ее кумир, под пронзительно острыми глазами обозначились мешки, чуть обвисли щеки, а губы сжались жестко и скорбно.

Гюго, прищурившись, с любопытством взирал на посетительницу. Горничная, открывшая Луизе дверь, с ожиданием смотрела из передней.

— Что угодно, мадемуазель? — спросил Гюго.

Не узнал!

Луиза молча протянула письма, адресованные ей на Вронкур. Он взял, не спуская с Луизы пусть иронического, но довольного и понимающего взгляда, — ему, «королю поэтов», конечно же частенько приходилось принимать дань немого девичьего восхищения и обожания.

Мэтр бегло читал собственное послание, а Луиза вспоминала ощущение, испытанное сегодня, когда бродила по нефам Нотр-Дам, украшенным чудесными цветными витражами. Там ей мерещилось, что из какого-то темного угла за ней неотступно следят налитые болью глаза Квазимодо, что вот-вот откуда-то выпрыгнет белая козочка и следом появится Эсмеральда.

Пробежав письмо, Гюго кивнул горничной и, отступив в глубину кабинета, сделал рукой с письмом приглашающий жест:

— Прошу!

Так она вступила в святилище, пахнувшее кожаными переплетами старых книг, воском свечей и сигарным дымом.

— О, мосье! Я помешала?!

Он махнул рукой, словно говоря: что же поделаешь?

— Э-э-э... Мадемуазель, мадам?

— Я не замужем, мосье. Меня зовут Луиза Мишель.

Он вдруг остановился, рывком повернулся к ней и, наклонившись, пристально всмотрелся. А выпрямившись, яростно хлопнул себя ладонью по могучему лбу.

— Вронкур! Шарль Этьен Демаи! Да?

— О, да, да, мосье!

— Маленькая девочка играла на фортепьяно «Марсельезу», читала мои стихи! Да? А потом...

И, не дожидаясь ответа, шагнул к одному из шкафов, принялся рыться в пачках писем.

— Вот! — приблизив исписанные листки к глазам, прочитал: «Если бы я не писала вам, я не смогла бы вынести жизнь!» Это вы писали мне после смерти деда?

— Да, мосье.

Бросив письмо на стол, Гюго шагнул к Луизе, обнял, на глазах у него блеснули слезы.

— Как же я не узнал сразу?! Ах, бедный Шарль Этьен! Он так мечтал дожить до нового революционного взрыва! Да садитесь же, Луиза! Садитесь! О как беспощадно время!

— Я благодарна вам, мосье, я счастлива! — только и смогла ответить она.

Успокаиваясь, Гюго зашагал по кабинету.

Его самолюбию явно льстили почти детская растерянность гостьи, ее робость и восторженность: он был равнодушен к пьянящему фимиаму славы.

Позже Луиза никак не могла восстановить в памяти последовательность всего разговора с Гюго. Запомнила ласковый и горячий блеск глаз, тепло широкой и сильной ладони, — на ходу прикоснулся к ее руке. Когда он перехватил восхищенный взгляд, брошенный ею на роскошный, с золотым тиснением, том «Собора Парижской богородицы», он печально, но довольно сказал:

— Да, мадемуазель! Писатель лишь создает книгу, а общество либо принимает ее, либо хоронит! Автор — творец книги, но творец ее судьбы — общество!

— Блистательной судьбе вашего «Собора» нельзя не завидовать! — восторженно улыбнулась Луиза.

Она сидела на диване, теребя вышитый бисером ридикюль, а Гюго крупными и неслышными — она подумала «львиными» — шагами расхаживал по кабинету и говорил, горячо сверкая пронзительными глазами. Рассуждал о поэзии, перемежая речь строфами своих и чужих стихов, рассказывал о детских годах, проведенных на Эльбе и в Испании, о свергнутом короле Луи Филиппе, о Второй республике.

Луизе было странно, что великий человек снисходит к провинциальной девушке до беседы о политике, но вскоре она поняла, что ему безразлично, с кем говорить, лишь бы говорить, так изболелась у него душа. Она, однако, не совсем понимала, почему он, сын наполеоновского генерала, пришел к двору Луи Филиппа и с двадцати лет получал из рук короля ежегодную «пенсию» в две тысячи франков, что именно король Филипп удостоил его звания пэра. И еще ее поражала необузданная ненависть, с которой Гюго поносил Луи Бонапарта, с какой говорил о растущем влиянии Баденге, о возможности цезаристского переворота. И это наполнило ее гордостью и радостью: они думают и чувствуют одинаково!

По возвращении из Парижа, когда она учительствовала в селениях Верхней Марны, Луиза с жадностью ловила известия о событиях в столице. Так она узнала, что Виктор Гюго в дни декабрьского переворота сражался на баррикадах, а после разгрома восстания покинул страну и живет в изгнании, на английских островах не то Джерси, не то Гернси, где-то в проливе Ла-Манш.

Но в тот памятный день им помешали договорить. Явился некий величественный, седокудрый старец, Гюго необычайно обрадовался ему. Луиза поняла, что время, подаренное ей милостивой судьбой, истекло. Провожая ее до порога, Гюго сказал:

— ...Если девочка все же посвятит себя поэзии, ей необходимо переезжать в Париж! Только в Париж, в Мекку поэтов. И помните, дорогая: двери моего дома открыты для вас всегда! И еще не забывайте: поэзия капризна, как красивая и гордая женщина, она не прощает тем, кто поклоняется двум богам! Вам предстоит, Луиза, трудный, но неизбежный выбор!..

Однако прошли долгие пять лет, прежде чем ей удалось последовать совету Гюго и перебраться в Париж. Здесь сначала учительствовала в пансионате мадам Волиер на Шато-д'О, а когда Марианна продала во Вронкуре клочок земли, завещанный им Шарлем Демаи, Луиза сама открыла школу для девочек на Монмартре, на улице Удо. На первом этаже — школа, а на втором — Луиза с мамой Марианной и помощницей по школе, болезненной мадемуазель Пулен.

Школу Луизы посещали дочери монмартрских бедняков: каменщиков и зеленщиц, прачек и угольщиков, швей и фонарщиков, служанок из дешевых кабачков и ночных извозчиков. С девочек Луиза взимала мизерную плату, лишь бы хватало на жизнь ей, матери и Пулен, а иногда и совсем отказывалась от платы, если семья девочки не могла платить...

— Ну что ж, Сидони, — говорила в таких случаях Луиза, — когда твои родители разбогатеют, ты отдашь мне все сразу. Согласна?

— О, вы так добры, мадемуазель Луиза! Но вы сами...

— Ничего, Сидони! Придет время, и все бедные станут богатыми!

— Вы верите, мадемуазель Луиза?

— Конечно, девочка! Жизнь лучших людей Франции посвящена борьбе за это! И ты, милая Сидони, верь: тебе предстоит жить в мире справедливости и богатства для всех!

Дни она проводила со своими ученицами, а вечерами посещала лекции и курсы на улице Отфейль. Ненастные вечера просиживала в библиотеке Святой Женевьевы в Латинском квартале или дома, за бюро, у камина, писала стихи, поэмы, — многое удалось опубликовать, — тогда-то она и вступила в «Союз поэтов».

А Марианна занималась немудреным хозяйством и, с грустью поглядывая на дочку, украдкой вздыхала.

— Ты что, мама? — беспокоилась Луиза.

— Ах, Луизетта, Луизетта! — покачивала седеющей головой Марианна. — Мне хочется, дочка, понянчить твое дитя. Я все жду, когда выйдешь замуж.

— Ой, мама! Я же тебе сто раз говорила: мой жених убит на баррикадах в сорок восьмом!

— Все шутишь, — с укором замечала мать. — А дни идут и идут. И не остановишь их и потом не вернешь!

— Оставь, мама! — всерьез сердилась Луиза. — Ты же знаешь, я никого не люблю! А брак без любви... прости за грубость, мама, по, по-моему, нет разницы между проституцией и подобным браком!

Марианна Мишель печально умолкала: ну что она могла ответить? Сама она в молодости была прямо-таки красоткой, мужчины и сейчас нет-нет да и поглядывали ей вслед, подкручивая ус. А Луиза хотя и обаятельная, живая, умная, но некрасивая девочка, еще во Вронкуре и Шомоне Марианне не раз приходилось слышать: «Неужели Луиза ваша дочь? Ни малейшего сходства!» И Марианне нечего было ответить, она и сама не могла понять, как такое «чудо наоборот» произошло? Она лишь благодарила судьбу, что та послала ей дочь, последнее утешение на старости лет.

Да, дни шли, сливались в недели и месяцы, прессовались в годы, оставляя в глубине души наслоения радостей и горестей, несбывшихся надежд и похороненных ожиданий...

А мир жил сложной и напряженной жизнью. Почти не затухая, бушевали на планете войны. Завершилась гражданская битва за свободу негров в Северной Америке. Повесили самоотверженного и благородного Джона Брауна. Наконец-то освободили от крепостной зависимости несчастных крестьян Российской империи. Военные фрегаты и корветы увозили французских парней за моря-океаны — умирать неведомо за что на чужой земле. Так отошли в прошлое Крымская война с Россией, бессмысленная война в Китае, Мексиканская и Тунисская экспедиции, — о них напоминали безрукие и безногие калеки, ковылявшие по улицам и кабачкам Парижа.

А в самом Париже по инициативе префекта департамента Сены барона Османа разворачивалось невиданное до тех пор строительство: сносилось около шестидесяти тысяч старых домов, выпрямлялись и расширялись проспекты и бульвары. Кое-кто утверждал: для удобства полиции в борьбе с мятежными парижанами. Возводились храмы и пышные дворцы, вокзалы и театры, воздвигались памятники. Рабочие предместья — Бельвиль,

Монмартр, Ла-Виллет, Батиньоль и другие, вдруг оказались в черте города. Цены на жилье фантастически росли, — вечно нуждающийся рабочий люд вытеснялся на пустыри. Мальчишки распевали неведомо кем сочиненную песенку: «Хлеб дорог, а деньги редки, Осман повышает квартирную плату, а правительство скупое и лишь сыщикам платит хорошо!»

Все значительные события находили отклик в душе Луизы, она посвящала им стихи и поэмы, статьи и дневниковые записи. Незабываемое впечатление произвела на нее всемирная Парижская выставка, полет на воздушном шаре отчаянно смелого мосье Надара. К тому времени Луиза уже много знала, но именно на выставке воочию убедилась, как необъятно велика земля, как различны и интересны населяющие ее народы.

На выставке, гремевшей грандиозными оркестрами, бывала каждый день. То любовалась африканскими танцами, то лихими джигитовками русских казаков, то застывала в изумлении перед черными тысячелетними мумиями. Засматривалась на диковинные головные уборы американских индейцев, на краснощеких медхен, разъезжавших верхом на пивных баварских бочках. А каких только машин не навезли тогда в Париж! Там и тут сверкали сталью и никелем умные, послушные человеку механизмы, которые, казалось, умели делать все. Луизу приводила в ужас пятидесятитонная крупновская пушка, стрелявшая тяжеленными ядрами на десятки километров! Сколько же человек может эта бездушная махина убить за один выстрел, сколько может пролить крови!

И как Луиза ни бывала занята, к вечеру обязательно обходила все Марсово поле — от Сены до Военного училища. Здесь крохотные дворцы соседствовали с восточными шатрами, старинные башни — со сказочными павильонами; сверкая бисером и позолотой, крутились безостановочные карусели, на всех языках орали зазывалы. Здесь можно было встретить коронованных и некоронованных королей Европы, владык Нового Света, раджей Индии, вождей африканских племен — весь мир...

А затем в «долгой ночи Империи», как писала Луиза в своих тетрадях, будто в мрачном подвале, блеснули лучи света.

Желая создать видимость либеральных преобразований и тем отдалить революционный взрыв, правительство Луи Наполеона отменило драконовские законы о печати. Разрешили собрания. Правда, на них запрещалось рассуждать о политике и религии, хулить правительство и царственную семью. Открывались рабочие и студенческие клубы. Кабачки с клоком соломы или гирляндой сушеных яблок вместо вывески по вечерам превращались в места сходов и встреч, где можно было отвести душу.

Особенно полюбила Луиза кафе «Старый дуб» на улице Муфтар и «Братство» на улице Фландр: именно там познакомилась с Луи Эженом Варленом и Натали Лемель, Раулем Риго и Андре Лео — людьми, которые навсегда вошли в ее жизнь.

Очень поразил ее тогда простой рабочий Варлен и его речь на суде над Парижским бюро Интернационала. Чуть сутуловатый, порывистый, Варлен говорил, то и дело прерываемый окриками судьи:

— Среди роскоши и нищеты, угнетения и рабства мы находим, однако, утешение. Мы знаем из истории, как непрочен любой порядок, при котором люди умирают от голода у порога дворцов, переполненных благами мира!

Его слова совпадали с мыслями самой Луизы, и ей хотелось броситься к скамье подсудимых, обнять бородатого переплетчика и его соратников по Всемирному товариществу рабочих — Толена, Шалэна и других.

А ведь, откровенно говоря, до той поры она думала, что грядущую революцию, как и в восемьдесят девятом, и в тридцатом, и в сорок восьмом, возглавят люди умственного труда! А оказывается, из глубин нации поднимаются новые, неожиданные и, может быть, могучие силы!

— ...Земля, — говорил тогда Варлен, — уходит из-под ног богачей, берегитесь! Класс, который до сих пор появлялся на арене истории лишь во время восстаний для того, чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость, класс, который угнетали всегда, — рабочий класс узнал наконец, что именно нужно сделать, чтобы уничтожить все зло и все страдания!..

Луизе в те дни казалось, что идеал свободы приближается к Парижу семимильными шагами, будто непрестанно гудит над городом набатный звон вещих слов, произнесенных два десятилетия назад: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма!»

И навсегда запомнился ей холодный ноябрьский день, собрание на могиле Жана Батиста Бодена на Монмартрском кладбище. Депутат Законодательного собрания, он был убит в день декабрьского бонапартовского переворота в предместье Сент-Антуан. О предстоящем траурном митинге Луизе сообщила одна из ее учениц, дочь литейщика шнейдеровского завода.

Узнав о митинге, Луиза поручила девочек заботам Пулен, а сама поспешно накинула жакетку, надела шляпку. Мать пыталась удержать ее, но Луиза отмахнулась:

— Нет, мама! Нет!

По дороге на кладбище поразила ее множество людей, с вейками и букетами осенних цветов они торопились к кованым чугунным воротам.

У входа купила горшочек красных иммортелей и вслед за другими пошла по улочкам печального города мертвых. Шуршали под ногами желтые листья, с севера дул пронзительный ветер, монотонно звонил в кладбищенской церкви погребальный колокол.

Ее удивило обилие полицейских, — молча, сложив за спиной руки, ажаны наблюдали за толпой у неотесанной гранитной плиты, могилы Бодена.

Луиза пробралась сквозь толпу, поставила горшочек с бессмертниками. Она никогда не видела Жана Бодена, не слышала его голоса, но считала себя вправе воздать должное тому, кто отдал жизнь борьбе с тиранией...

Говорили над могилой сурово и сдержанно. Луиза слушала, и в ее сознании рождались строчки будущего стихотворения: «Геройски пасть для нас отрада, Мы наши флаги развернем и в их полотнищах умрем, Нам лучших саванов не надо!..»

Складывавшаяся строфа на время отвлекла внимание Луизы, и, когда она снова «вернулась на землю», на каменном цоколе одного из памятников рядом с могилой Бодена стоял человек с густой черной бородой и такими же черными, растрепанными ветром волосами, оттенявшими мертвенную бледность лица. Стекла пенсне на горбатом хрящеватом носу поблескивали, словно лезвия, и Луиза через головы толпы заметила, что полицейские с соседних аллей следят за оратором внимательно и напряженно.

Чернобородый вскинул над головой кулак и сказал с яростной силой:

— Да здравствует Республика! Конвент в Тюильри! Разум в Нотр-Дам!

— Кто это? — спросила Луиза стоявшего рядом рабочего в синей куртке.

Он с недоверием покосился на ее шляпку, нехотя буркнул:

— Теофиль Шарль Ферре.

А оратор продолжал, и голос его становился громче, наливался гневом.

— При Людовике Шестнадцатом нищета народа достигла предела. Но когда в присутствии коронованной негодяйки говорили, что у рабочих нет хлеба, она мило удивлялась: «Почему же они не кушают булочки?» Я говорю о Марии-Антуанетте! Революция восемьдесят девятого года попыталась дать нашим отцам и дедам работу, предложив им за жалкие су выравнять Марсово поле, но спустя год оно было залито их кровью!

Оратор скользнул взглядом по скрытому цветами могильному камню.

— А разве кровь, которую мы сегодня чтим, кровь тысяч наших братьев, убитых узурпатором второго декабря, разве она, как пепел Клааса, не стучит в наши сердца?!

Ферре говорил с той страстной убежденностью, какую дает только великая вера, и Луиза слушала его не в силах отвести взгляда от бледного, вдохновенного лица.

— Может быть, не все помнят, как умер Боден?! — продолжал Ферре. — Напомню! Это произошло в декабре пятьдесят первого, на баррикаде Святой Маргариты. Какой-то глупец попрекнул Жана депутатским жалованьем: «Э, вы годны лишь на то, чтобы получать свои двадцать пять франков в день!» Боден ответил: «Сейчас я вам покажу, приятель, как умирают за двадцать пять франков!» Поднялся на баррикаду и тут же упал, пронзенный десятками пуль...

Луиза не знала подробностей гибели Бодена и слушала с возрастающим волнением. Ферре предложил воздвигнуть памятник погибшему и первый положил на могильную плиту десятифранковый билет. Тут же избрали комитет, и в чью-то потрепанную шляпу щедро

полетели серебряные монеты и купюры...

По окончании митинга Луиза догнала Теофиля у кладбищенских ворот, остановила.

— Вы прекрасно говорили! — сказала она. — Разрешите пожать вашу руку!

Сняв пенсне, он смотрел, близоруко щурясь, большие антрацитовые глаза были детски-чистыми и печальными.

— Я говорил то, что думаю, во что верю!

Так началась их дружба, которой было суждено трагически оборваться спустя всего три года!

Они часто встречались — на рабочих и студенческих собраниях Монмартра и Бельвиля или в облюбованных молодежью кафе и кабачках. Там всегда было шумно и весело, за четвертой дешевого вина — бутылка шестнадцать су — компания могла провести вечер, обсуждая горькое настоящее и прекрасное будущее Франции.

Здесь не стеснялись крепких словечек, а если опознавали в ком-либо переодетого шпика, давали «навозу Империи» — так выражался Ферре — заслуженную взбучку. К этому времени Теофиль оставил работу счетовода в конторе некоего упитанного мосье и целиком углубился в политику, зарабатывая на хлеб и стакан вина репортажами в оппозиционных газетах и журналах, в том же рошфоровском «Фонаре» и в «Улице».

— Если бы вы знали, Луиза, — не раз говорил Ферре, — как я презираю эту ползучую мразь, готовую на любые подлости, лишь бы вскарабкаться повыше! И, заметьте, Луиза, чем мельче, чем подлее человечиска, тем яростнее он лезет вверх!

Горячий, необузданный, поклоняющийся такому же неистовому Огюсту Бланки, Теофиль всегда готов был вмешаться в потасовку, где представлялась возможность наделить тумачами прислужников Баденге. Именно это и привело его через год после знакомства с Луизой в «Бастилию Второй империи» — так окрестили парижане тюрьму Сент-Пелажи.

Об аресте Теофиля Луиза узнала из газет. Узнала и страшно встревожилась, внезапно поняв, что ей далеко не безразличен бородатый, близорукий юноша.

Купив кое-какой снеди, фруктов, коробку недорогих сигар, она за три су взгромоздилась на империал омнибуса и поехала на левый берег.

Не менее часа ей пришлось прождать в разношерстной толпе, у высокой неряшливо оштукатуренной стены, — зимний ветер лениво пошевеливал над глухими воротами трехцветный флаг.

Ворота тюрьмы, охраняемые угрюмым часовым в высоком кивере, оставались закрытыми, а толпа росла, все подходили и подходили женщины — жены, матери, невесты, сестры. У всех — корзинки или узелки с передачами. Негромко переговаривались, делились радостями и

невзгодами.

В толпе Луиза увидела девушку, ее лицо показалось знакомым, хотя Луиза не встречала ее никогда. Темные глаза, выбивающиеся из-под шляпки курчавящиеся черные волосы, нос с горбинкой. Девушка не носила очков, но, видимо, страдала близорукостью и как-то нодетски щурилась, когда хотела что-нибудь рассмотреть. И вдруг Луиза поняла: да ведь это сестра Теофиля, он часто говорил о ней с такой любовью!

Луиза подошла.

— Простите. Вы Мари Ферре?

— Да-а-а, — недоуменно протянула девушка. — А вы?..

— Я... — Луиза смутилась и почувствовала, что краснеет. — Видите ли... Я знаю вашего брата по монмартрским клубам, встречала в библиотеке Святой Женевьевы. Мы одинаково думаем обо всем... И вот... я хотела...

— Понимаю, понимаю! — Мари улыбнулась Луизе так открыто и доверчиво, словно они были знакомы всю жизнь. — Он мне говорил о вас... Вы Луиза Мишель?

— Да!

Они разговорились и сразу же подружились. Луизе, конечно, не хотелось обнаруживать перед Мари подлинных своих чувств. Для нее привязанность к Теофилю была одновременно и женской, и как бы материнской, — все же она, к несчастью, была старше его на пятнадцать лет! А Мари... Ей казалось естественным, что все женщины Парижа влюблены в ее прекрасного брата...

Мари рассказывала о своей семье, о матери и об отце, Лоране Ферре, о Теофиле. О мелочах, из которых в итоге складывается облик человека. Луиза от души посмеялась над детскими прозвищами Теофиля — Маршал Нос, Полишинель, Безносый, Маркиз Карабас.

А потом Мари заговорила о Рауле Риго, и по тому, как вспыхнули ее щеки, как зазвенел голос, Луиза поняла: Мари влюблена в Рауля без ума.

— Они сейчас в одной камере, мадемуазель Луиза, и они и не думают унывать, вы увидите! Они похожи, как братья, оба неистовые, оба готовы на смерть, лишь бы утвердилась справедливость. Я слабая, Луиза, я просто женщина, но я бесконечно предана им. Вы посмотрели бы, что начинается в кафе «Ренессанс» или в «Спящем коте», когда появляется Рауль! О-ля-ля! Всё дыбом!

В ответ Луиза рассказала о себе, о дедушке Шарле, о школе, о своих крамольных проделках.

Так, беседуя, они прохаживались вдоль тюремной стены больше часа, — допуск на свидание непонятно задерживался.

— Поверьте мне, Луиза, это неспроста, — вполголоса сказала Мари. — Правда, я не удивлюсь ничему, что произойдет в Сент-Пелажи, поскольку там — вместе Теофиль и Рауль!

Как раз в эту минуту к воротам подкатил фиакр, я из него вылез начальник тюрьмы мосье Терро, дородный мужчина с бородкой и усами под императора, и с ним два важных тюремных чина. Беспокойно оглядев гудящую у стен толпу, они скрылись за калиткой, прорезан» вой в полотнище ворот.

Через полчаса посетителейпустили. Комната свиданий, разгороженная железными решетками, между которыми расхаживали тюремные надзиратели, произвела на Луизу удручающее впечатление. Низкие потолки, бессолнечно, пятна плесени на стенах.

Но тягостное ощущение прошло, как только Луиза увидела Теофиля. Ей думалось — увидит изможденного, подавленного тоской узника, а Теофиль смеялся, словно виделись они не через две решетки, а где-нибудь в «Спящем коте» или «Старом дубе».

Рядом с Ферре, постукивая пальцем по табакерке, покачивался с пяток на носки Рауль Риго, тоже в пенсне, в неизменных желтых перчатках, с широкой, старившей его каштановой бородой. Он попал в Сент-Пелажи раньше Ферре, но они очутились в одной камере, где помещались и известные всему Парижу бланкисты — Тридон, Дюваль и Фортен.

Широкая улыбка Теофиля выражала признательность Луизе за приход в «живую могилу», а Риго приветствовал ее своим характерным жизнерадостным возгласом:

— Ау! Абу! Гражданка Луиза! Не желаете ли понюхать табачку? Я здесь всем предлагаю! От таких попоу-шек цепным псам империи здорово чихается!

Старший из тюремщиков, наблюдавших за свиданием, постучал увесистым ключом по пруту решетки:

— Заключенный Риго! Еще одна выходка — и вы будете водворены в камеру! Понятно?

С язвительной вежливостью Риго поклонился, протягивая тюремщику через прутья решетки открытую табакерку. Луиза укоризненно покачала головой: вы и тут неисправимы, Рауль!

Риго принялся болтать с Мари, а Луиза, немного смущенная, разговаривала с Теофилом, — всегда бледный, он стал еще бледнее.

Меж тем на столе в коридоре тюремные стражи разворачивали кульки и корзинки с передачами, резали на куски булки: не запечено ли в них оружие или ножовки, коими можно перепилить прутья решетки. Но в передачах Мари и Луизы не оказалось ничего запретного, и через несколько минут Теофиль взглядом поблагодарил Луизу за сигары. А неугомонный Рауль снова принялся за свои ядовитые шуточки, сунул в рот булочку и закричал с набитым ртом:

— Гражданка Луиза! Мари! Эти подонки империи надеются уморить нас голодом! Но это им не удастся! Скоро все полетит вверх тормашками! Да здравствует Республика!

Возглас Риго подхватили, десятки голосов скандировали:

— Да здра-вству-ет ре-во-люция! Гиль-оти-на для жирных! Долой Баденге!

Несмотря на поднявшийся шум, Луиза слышала: крик подхватили в камерах, раздался звон разбиваемых стекол.

В коридор между решетками вбежал дежурный по тюрьме, закричал во весь голос:

— Свидание окончено! Всех вон!

Теофиль и Рауль, держась руками за прутья, хохотали и радовались, словно мальчишки, которым удалось как следует напроказить. Тюремщики тащили и толкали заключенных к двери. Напоследок оттуда донесся крик Риго:

— Мари! Гражданка Луиза! Вайян прав: короли и императоры нужны лишь затем, чтобы парод отрубал им головы!

Конца фразы Луиза не расслышала, но она помнила знаменитую фразу Эдуарда Вайяна, — ее любил повторять Ферре.

Во дворе их торопили, гнали к воротам; здесь кроме тюремщиков оказалось около сотни бретонских мобилей⁴. Их успели привести из казарм, угадывая назревающий бунт.

А тюрьма действительно бунтовала.

Сверкая, брызгали на камень двора осколки стекла, из-за решеток окон высовывались сжатые кулаки, кто-то размахивал красным шарфом. И вся тюрьма скандировала так, что было, наверно, слышно на правом берегу;

— Да здравствует Республика! Гильотину для Баденге!

Мари и Луизу вытолкали за ворота, но они еще с полчаса стояли возле тюрьмы, слушая доносившиеся из-за стен крики. Видимо, надзиратели и мобили волокли в карцеры и избивали заключенных, которые продолжали бушевать.

О, как хотелось Луизе оказаться там, с какой радостью она дралась бы с тюремщиками рядом с Теофилом! Но Мари увела ее от ворот, втащила на империал омнибуса.

— Успокойтесь, дорогая! — уговаривала она, — Будьте благоразумны!

— А они? Они благоразумны?! — возражала Луиза, — Они жертвуют собой, а мы, значит, слабее их? Да?!

Мари увезла Луизу к себе, познакомила с родителями, с младшим братом, а потом провела в мансарду, и крошечную комнатку с одним окном, смотревшим на ступенчатое поле крыш, на лес закопченных дымовых труб.

Как и в комнате Луизы, в мансарде Мари — нагромождение книг. На одной из стен — портрет Теофиля: стоит подбоченясь и смеется, блестя стеклами пенсне. Дующий сбоку ветер лохматит черные волосы.

Но были в комнате Мари вещи, удивившие Луизу, — груды разноцветных клубков шерсти, вязальные спицы, пальцы в углу. Мари перехватила взгляд Луизы.

— Нужно же зарабатывать, дорогая!

Переглянулись и засмеялись, сами не зная чему, наверно, от радости, что так нечаянно нашли друг друга.

Мари сварила на спиртовке кофе и, сдвинув к середине стола книги, они, не торопясь, пили обжигающий, пахнувший дальними странами напиток и говорили без конца. О чем? О ком? Да конечно же все о них, об узниках Сент-Пелажи. Мари достала фотографию, вырезанную из какого-то журнала, — Рауль в студенческой каскетке и куртке, ярко освещенный солнцем, сидит на ступеньках Пантеона и с иронической усмешкой наблюдает скошенным глазом за чем-то, что не попало в объектив.

— О-ля-ля, Луизетта! Ты не знаешь, как его величают друзья! — засмеялась Мари, легко переходя на «ты». — Большой Гаврош! Да, да! В нем столько мальчишеского, озорного. И в то же время на редкость умен и язвителен, — не приведи господь попасть на язычок. Окончил Бонапартовский лицей, Версальский коллеж, бакалавр. В шестьдесят пятом, совсем мальчишкой, ездил в Льеж на международный студенческий конгресс, это о чем-то говорит?! Работал в бланкистском «Кандиде». О! А отец — бонапартистская сволочь! Рауль насмерть поссорился с ним, бросил дом. Из Сорбонны выставили за революционные взгляды. Живет журналистикой, дает уроки высшей математики: знает ее как бог!.. О-ля-ля! Я убеждена — вы подружитесь.

— Они ровесники с Теофилом?

— Да! Но по тюремному опыту Рауль постарше, впервые попал за решетку два года назад. Ему в полиции тогда заявили: вы, Рауль Риго, член тайного преступного общества, вам грозит смертная казнь! А он только смеялся им в лицо! Но улики оказались маловаты, выпустили. Освободившись, он шутил: «Не повезло, черт побери! Не познакомили меня с казематами Мазаса! Ну да, говорит, время мое не ушло, успею!» А как на суде себя держал! «Не нужно мне ваше снисхождение, господа несправедливые судьи! Когда мы придем к власти, вы не получите снисхождения, не ждите!» Вот какой!

Луиза слушала с интересом, но с большей бы радостью узнала что-нибудь новое о Теофиле, — перед глазами стояло бледное лицо, каким видела его час назад.

И Мари спохватилась:

— Что это я все о себе да о Рауле?! — Встала, взяла Луизу за руку. — Пойдем!

Луиза не спросила куда. Вышли на крошечную лестничную площадку. Там, напротив двери в каморку Мари, оказалась вторая дверь, раньше, в полутьме, Луиза и не заметила ее.

— Здесь жил Тео, — пояснила Мари, распахивая дверь.

— Жил? — удивилась Луиза. — А разве теперь?..

— Да! Три года назад, когда за ним началась слежка, снял комнатку в Латинском квартале.

— Почему же? — снова удивилась Луиза.

— Ну как не понимаешь?! Не хочет ставить под удар родных. В случае... ну, в очень серьезном случае они арестовывают и отца с матерью, стариков, дескать, все вместе, все отвечаете! Забегает изредка глянуть на мать, на отца. И опять неделями нет.

Стоя на пороге, Луиза молча оглядывала жилище Теофиля. Книги занимали два шкафа во всю стену, стопками громоздились на столе, на подоконниках и прямо на полу. На столе тоже книги, газеты и журналы, листы бумаги, исписанные крупным почерком. Но — ни мусора, ни пылинки.

— Я убираю здесь каждый день, — будто угадав мысли Луизы, пояснила Мари. — Я ведь люблю Тео! И так за него боюсь! Порой мне снятся ужасные сны! Будто его ловят жандармы, хотят убить. И я просыпаюсь от боли в сердце... Ну, проходи же!

Луиза прошла к столу, склонилась над исписанным листом, прочитала:

«Жермэн-Касс на суде сказал: «Не трогайте топора, господин прокурор! Это тяжелое орудие, ваша рука слаба, а наше дерево кряжисто!» И мне пришли на память слова, прочитанные недавно в одной русской книге: «В топоры! В топоры!..» И я подумал: великий Бланки драв — лишь силой оружия, лишь топорами...»

Луиза посмотрела корешки книг. «Париж в декабре 1851 года» Тено, «Философия нищеты» Прудона и «Нищета философии» Маркса, томик Бодлера «Цветы зла» с посвящением Теофилю Готье.

Ей вспомнился суд над книжкой Бодлера вскоре после ее приезда в Париж, вспомнилось худое, болезненное лицо поэта, его саркастические усмешки в ответ на злобные выкрики судьи. Что ж, процесс над книгой только способствовал ее успеху, по несчастный Шарль умер нищим, с парализованной памятью в одной из дешевых больничек Парижа.

— Хочешь побыть здесь? — спросила Мари. — Я скоро вернусь.

Луиза осталась одна. Подошла к окну, где стояло обитое красным плюшем кресло, — видимо, Теофиль любил читать, сидя здесь. На подоконнике лежала «История десяти лет» Луи Блана и стояла пустая пепельница.

Луиза опустилась в кресло, задумалась, глядя в окно. За горбами красных черепичных и сизо-свинцовых крыш вонзались в небо шпили соборов, блестел купол Дворца Инвалидов. По зимнему небу неслись разорванные ветром облака, солнце даже не угадывалось за ними.

Она не знала, сколько времени просидела так. Кончался серый зимний день, в углу комнаты сгущалась тьма.

Неслышно вошла Мари, чиркнула спичкой, зажгла газовый рожок у двери.

— Ну, погрустила немножко? Вот и хорошо. Надеюсь, все обойдется. Хотя... откровенно говоря, Луиза, я боюсь, что нашим сорванцам нынешний бунт не пройдет даром...

И Мари оказалась права: ей и Луизе пришлось лишних два месяца носить в Сент-Пелажи передачи, — Теофилю и Ригу суд прибавил к прежним срокам по два месяца.

И лишь весной, когда на платанах и каштанах набухали и лопались почки, Луиза и Мари встречали у ворот тюрьмы сначала Теофиля, а через две недели — уже вместе с Теофилом — Рауля.

— Ну вот, наконец-то мы можем отправиться в «Ренессанс»! — вскричал Ригу. — Надеюсь, кто-нибудь из вас одолжит мне десяток франков? Я стосковался в тюремной пещере по бокалу доброго перно!

Он был неисправим, этот задира и весельчак, будущий прокурор Коммуны, которому шел тогда двадцать третий год!

В «Ренессансе», как только Ригу появился на пороге, почти все бывшие там повскакали с мест.

— Ригу! Рауль! Пропавшая душа! Узник темницы Иф!

Принялись сдвигать столики, кто-то уже тащил от стойки винные бутылки. Хозяин «Ренессанса», толстощекий и краснолицый, с нафабренными усами, следил за суматохой с довольной усмешкой. Ну, раз в кафе появился мосье Ригу, значит, оно пустовать не будет. Правда, прибавится не только франков в кассе, прибавится и беспокойства: чаще будет заглядывать полиция, чаще станут дежурить за столиками шпики. О, с мосье Ригу шутки плохи! Ну вот, кажется, угадал, начинается!..

Да, Рауль Ригу, только что севший за стол, вдруг отодвинул бокал и, озорно подмигнув, доставая на ходу табакерку, направился в полутемный угол кафе, где два субъекта скучали за кружкой пива. Наметанный взгляд Ригу сразу приметил филеров — у него на них было особенное чутье, — недаром сам Бланки как-то заметил: «У Ригу определенное призвание, он рожден, чтобы стать префектом полиции!»

Иронически усмехаясь, постукивая пальцем по табакерке, Ригу подошел к сидевшим в углу.

— О! Бонжур! Как изволит поживать полицейский комиссар по надзору за молодежью, ваш обожаемый начальник мосье Лагранж? Не угодно ли понюшку? Угощайтесь, пожалуйста!

Мари шепнула Луизе:

— Ой, боюсь, Луизетта, недолго нашим сорванцам разгуливать на свободе! Видишь, что выделяет?!

Луиза кивнула, а стоявшие у столов в ожидании Риго скандировали хором:

— Шпи-ков вон! На-воз Им-пе-рии во-о-о-он!

Один из субъектов в углу пытался защищаться:

— Уверяю вас, вы ошибаетесь, мосье Рауль Жорж Адольф Риго!

Обернувшись к друзьям, Риго расхохотался.

— Вы слышали?! Ищейки Лагранжа полностью вызубрили мое имя! Сие делает честь мне и их способностям, не правда ли? Какая завидная лакейская прилежность! О, вы, мосье, не даром получаете сребреники комиссара Лагранжа!

Смущенно бормоча, не допив пива, шпики под хохот и улюлюканье зала ретировались через боковую дверь.

Когда Риго вернулся к компании, один из студентов, расплескивая вино, поднял над головой бокал.

— Мадемуазель и месье! Предлагаю тост за Робеспьера грядущей революции!

Тост подхватили, но Риго протестуяски вскинул руку.

— Э, нет! Я не желаю быть похожим на Неподкупного! Своим «Верховным Существом», своей «новой религией» он унижал саму идею революции! Нет! Уж если говорить о преемственности, я желал бы быть похожим на Эбера или на Клоотца! И не только жить, как они, а и умереть так же мужественно, как сумели они в ошейнике гильотины!

Сидя рядом с Теофилом, Луиза искоса поглядывала на него и радовалась: на впалых и серых после тюрьмы щеках появились пятна румянца, ярче стал блеск антрацитовых глаз. «Да, — думала она, — в будущих боях Теофиль и Риго пойдут впереди других, — я буду счастлива идти плечом к плечу с ними».

Домой вернулась за полночь, долго ворочалась в постели, думала о Теофиле, о предстоящей жестокой борьбе. Почувствовав, что уснуть не удастся, встала, села к столу и при свете свечи записала:

I

Империя в агонии старается упиться кровью;
Она еще царит в своих покоях,
На пороге которых кучами лежат трупы,
Но в воздухе уже победно звучит «Марсельеза»,
И солнце встает в красном тумане...

И еще быстрее завертелось колесо ее жизни. Утром и днем — занятия в школе; милые, доверчивые лица монмартрских девчушек, за чью судьбу она считала себя в ответе, кому старалась передать свое отношение к миру, презрение и ненависть к насилию и стяжательству, готовность к борьбе и к жертве, если жертва окажется необходимой.

«Как прекрасно, — часто думала она, — что мы с мадемуазель Пулен ко всему относимся одинаково, и какая страшная беда, что доктора не в состоянии хотя бы замедлить течение ее болезни». Высокая температура, лихорадочный блеск глаз, пылающие щеки — все свидетельствовало о близости трагического исхода. А сама Пулен, с ее кроткой самоотверженностью, лишь улыбалась в ответ на сетования. «Ах, дорогая Луиза, — говорила она. — Не надрывайте из-за меня себе сердце. Я рада: рядом с вами мне удалось кое-что сделать на этой грешной и не особенно уютной земле!»

Но занятия в классах, где Луиза преподавала естествознание, историю и литературу, были для нее только прелюдией того часа, когда, наскоро проглотив немудреный обед, она с головой окуналась в кипящий страстями водоворот, каким и представлялся ей и каким на самом деле был в то предгрозовое время Париж.

Да, город был похож на вулкан накануне извержения! В организованных Варленом дешевых кооперативных столовых «Marmite»⁵, в кафе и трактирах произносились такие речи, каких парижане не слышали с июня сорок восьмого. Любимцы рабочих предместий — Флуранс и Делеклюз, Варлен и Ферре, Лефрансе и Риго выступали повсюду, разоблачая преступления Империи. Возвращаясь домой, Луиза писала в своем дневнике:

«Гнев, накопившийся в течение двадцати лет, прорывается неудержимо. Мысль освобождается; книги, проникавшие во Францию лишь контрабандой, издаются в Париже. Испуганная Империя надела маску «либеральной», но никто этой демагогии не верит... Париж все больше освобождается от Бонапарта. Крылья усатого орла отяжелели, налились свинцом. Революция зовет под красные знамена всех, кто молод, умен и горяч».

Сердце Луизы в те дни согревало не только сознание, что она служит делу освобождения. В ее душе навсегда поселились дорогие ей люди — Тео и Мари Ферре.

— Что с тобой, дочка? — радостно удивлялась Марианна. — Ты прямо расцвела!

— Ах, мама! — смущенно отмахивалась Луиза. — Я чувствую близкое дыхание революции!

— Только ли? — не унималась мать.

— Оставь, мамочка! Ты мешаешь мне сосредоточиться!

Наступили летние каникулы. В последний день ученицы явились с букетиками фиалок — старшекласницы прощались со школой навсегда, остальные — до осени. Бедняжка Пулен не могла удержать слез: «А я, вероятно, и не увижу вас больше, разве летом добрый случай столкнет на улочке родного Монмартра. Счастливой и светлой вам жизни, девочки!»

Наконец-то Луиза почувствовала себя по-настоящему свободной. Если бы не болезнь Пулен, она считала бы, что вполне счастлива.

После полудня, как было накануне условлено, в одном из кафе на бульваре Сен-Дени она встретила Теофиля. Укрывшись за кадкой с пальмой в безлюдном уголке и обложившись газетами, он торопливо писал, ядовито посмеиваясь в бороду.

— А, Луиза! Рад видеть!

Она уселась напротив, гарсон принес кофе, и Луиза не спеша пила, любуясь нервными сильными руками Теофиля. Он вскинул на нее взгляд.

— Извините! Сейчас кончаю...

Да, ей все нравилось в этом человеке: его аналитический, пронзительный ум, порывистая страстность, принципиальность, его глаза, руки, голос. Искоса поглядывая на свое отражение в зеркале напротив, Луиза вздохнула: вот когда ей особенно хотелось быть красивой и молодой... Моложе хотя бы на десять лет!

Когда Теофиль закончил статью, они отправились в Латинский квартал, где их должны были ждать Риго и Мари.

День был удивительно прозрачный, цвели белые и розовые свечи каштанов, по-весеннему нежно зеленела листва, щетинились неподстриженной травой газоны, немолчно звенели птицы.

Риго и Мари они нашли в кабачке у Пантеона. Рауль — оживленный, сияющий. Желтые перчатки — на стопке журналов.

— Ну как? Отпечатали? — спросил Ферре, присаживаясь к столику.

— Вот! — Рауль с торжеством придвинул журналы Теофилю. — Любуйтесь, гражданин Ферре!

Швырнув на соседний стул шляпу, Теофиль перелистывал странички, а Риго смотрел на него с победоносной улыбкой. Но вот Ферре вскочил, обхватил Рауля за плечи, и они так расхохотались, что многие в кафе оглянулись.

— В чем дело? — спросила Луиза, обиженная тем, что Большие Гавроши не посвятили ее в очередную проделку. — Что, Мари?

Девушка потянула Луизу за рукав, усаживая рядом, дала один из номеров журнала. Это издание Луиза видела впервые: «Природа», научно-популярный ежемесячник для юношества. Номер первый.

— Не понимаю...

— Читай вот здесь. Читай вслух, Луизетта!

И Луиза принялась читать:

— «Дорогие читатели, мы начинаем очерками по естественной истории. И конечно, прежде всего — орел, которого называют «царем птиц». Орел — животное хищное, он — грабитель, вор, подл и жесток. Он питается мясом других, более слабых, животных и птиц и даже забирается в чужие гнезда и пожирает яйца. Он часто набрасывается на баранов, сдирает с них шкуру и устилает ею собственное логово. Он не останавливается перед любой жестокостью, лишь бы удовлетворить свои непомерные аппетиты. — Луиза почувствовала, как кровь прихлынула к лицу. На мгновение вскинув глаза, увидела, что сидевшие за соседними столиками внимательно слушают, и продолжала читать, повысив голос: — В конце концов, естественники, может быть, были правы, дав ему титул «царя», ибо большинство монархов, подобно орлу, питаются кровью своих подданных, как, впрочем, и их достоянием, с таким трудом добытым...»

Конечно, любой мальчишка понял бы... Здорово! Вот молодцы!

А Ферре и Риго хохотали, хлопая друг друга по плечам, выкрикивая между приступами смеха:

— Жерана-то нашего посадили? Да? — спрашивал Теофиль. — Плакали наши двадцать франков, Рауль?!

— Посадили! Плакали! — вторил Риго.

— Да объясните же! — уже всерьез рассердилась Луиза. — И почему вы все скрываете от меня? Разве я вам не друг?!

В ее голосе отчетливо прозвучали обида и горечь. Ферре присел рядом и, сняв пенсне, смотрел извиняющимся взглядом.

— Простите, Луиза! Мы никому ничего не говорили, так как не были уверены, что игру удастся довести до конца. И Мари узнала лишь сегодня, по выходе номера. Правда, сестра?

Мари кивнула в ответ. А Рауль, наполняя бокалы дешевым мартини, посерьезнев, принялся рассказывать:

— Так вот, гражданки! Две недели назад ваш покорный слуга отправился в министерство внутренних дел, к мосье Пинару, и с самым невинным видом испросил разрешения издавать сей научный журнал. Внес полагающийся залог и получил разрешительный штампель. И вот

перед вами первый номер высоконаучного и популярного издания! — Он не смог выдержать серьезного тона и рассмеялся. — Не правда ли, вы кое-что почерпнули из его публикаций? А?

— Но ведь за подобные проделки вас снова отправят за решетку! — с упреком заметила Луиза, с грустью глядя на Теофиля. — Вы же лезете в петлю!

— Э-э, нет, гражданка Луиза! — вскричал Риго. — Мы — битые, мы — ученые! Мы не зря кончали академию Пелажи! Я вам сейчас поясню... Затеяв издание сего полезного журнала, мы с гражданином Теофилом Ферре отправились на Центральный рынок, отыскал и там самого несчастного и голодного забулдыгу, приодели его, сняли ему на три дня комнату в отеле, и за двадцать франков он стал нашим жераном, то есть лицом, отвечающим перед законом за содержание статей журнала. Так что не нам, а ему обеспечены казенные харчи в Пелажи!.. И не испепеляйте меня взглядом, гражданка Луиза, он не в претензии! Во всяком случае, ночлег и похлебка ему на три месяца обеспечены!

— Но ведь ваш крамольный журнал немедленно прикроют! — заметила Мари.

— Конечно! — весело согласился Риго. — И все же разок-то мы стукнули по кровавой морде!

— А номер не конфискуют?

— Пока докопаются до сути, тираж будет распродан!

— А дальше? — грустно спросила Луиза. Ей было обидно, что из-за маленькой статейки ее друзья рискуют свободой.

На сей раз расхохотался Ферре, вытаскивая из бокового кармана испятнанную штемпелями и печатями бумагу.

— А вот, милостивые государыни, разрешение на издание журнала «Наука для всех». На сей раз на имя Теофиля Шарля Ферре. Вот так!

— Ну и ну! — покачала головой Луиза. — Светлые и отчаянные у вас головы, месье Большие Гавроши!

Риго поморщился. В разговоре со своими он признавал единственное обращение: «гражданин» и «гражданка», а «мадам» и «мосье» звучали в его устах площадной бранью. Но сейчас он не сделал Луизе замечания, молча взял со столика неизменные желтые перчатки.

— А теперь, дорогие, не теряя времени, отправимся в «Ренессанс»! Мы должны познакомить с новым изданием наших друзей!

Луиза вполголоса сказала Ферре:

— А не блошинные ли это укусы, Тео? Рискуете же вы страшно!

— Э, ничто не убивает вернее, чем смех! А разве вы не рискуете, дорогая, когда в школе вместо молитвы поете «Марсельезу»? Без риска нет борьбы, Луиза!

То был шумный, веселый день! По дороге в «Ренессанс» и в самом кафе Риго раздавал журнал направо и налево. Все читали и ликовали: ненавистная Империя получила еще одну оплеуху. Конечно, о дальнейшем издании журнала не могло быть и речи. Шпики и полицейские сновали от киоска к киоску, конфискуя оставшиеся экземпляры, и тащили их во двор префектуры, где пылал костер. Такой стиль расправы с крамольными изданиями утвердился с мая шестьдесят восьмого года, когда впервые был сожжен номер рошфоровского «Фонаря».

Тогда Луиза случайно оказалась свидетельницей этого аутодафе и сейчас, с тревогой поглядывая на Теофиля, вспоминала, что Рошфору, спасаясь от тюрьмы, пришлось бежать в Брюссель, где он живет под покровительством другого изгнанника империи, Виктора Гюго.

— Меня обижают, что они не позволяют нам участвовать в их работе! — с горечью пожаловалась Луиза Мари, сидя за столиком в «Ренессансе». — Ведь и мы можем что-то делать!

— О-ля-ля! — беспечно рассмеялась Мари. — Наши мальчики слишком хорошо знают, как живется в Сент-Пелажи, и стараются отдалить наше знакомство с «Бастилией Второй империи».

— Но это же обидно!

— Не торопись, Луизетта! И Сент-Пелажи, и Мазас, и Сен-Лазар у нас впереди! Мы еще узнаем, что это такое. Мальчики берегут нас, значит — любят. И давай утешимся этим.

— Грош цена любви, основанной на жалости! — возмутилась Луиза. — Я хочу сражаться наравне с ними!

— О-ля-ля, как ты нетерпелива, Луиза! Будут еще в нашей жизни и сражения, и тюрьмы!

Посидев в кафе, они отправились бродить по букинистическим лавочкам. Потом отдыхали на набережной. Сена неспешно несла сизые, отливающие платиной воды, отражая дворцы и мосты, зелень каштанов и готику соборов. Когда Луиза собралась идти домой — ее тревожило состояние Пулен, — Риго остановил ее.

— А у вас нет желания, гражданка Луиза, посмотреть вечером веселое представление? Смею заверить, получите больше удовольствия, нежели на водевилях Скриба и Сарду.

— А что именно?

— Пока это наш с Мари секрет, — со смехом ответил Рауль. — Но чтобы заинтриговать вас, я приподниму уголок занавеса. Вам известна фамилия Дельво?

Луиза задумалась, припоминая.

— Дельво?... Судья исправительной полиции?

— Он самый! — кивнул Риго. — Вначале сей гнусный тип служил рядовым шпиком, позже стал следователем исправительной полиции, а потом за особые заслуги на него напялили судейскую тогу. Именно эта темная личность отправила меня и Теофиля в Пелажи. Он же судил Варлена и Рошфора и многих наших! За ним накопилась изрядная задолженность... Так вот, сегодня вечером ему, возможно, придется расплачиваться по вексялям... Хотите присутствовать?

— Конечно!

— Тогда извольте, гражданка Луиза, в десять часов вечера посетить кафе «Кумир» на бульваре Капуцинок. Надеюсь, наша затея удастся и вы получите возможность кое-что лицезреть... Больше сейчас ничего не скажу...

Луиза решила пойти, но не удержалась от упрека Мари: как она может заводить от нее секреты?

— Ну, не сердись, Луизетта! — Мари обняла ее, поцеловала в щеку. — В «Кумире» не подходи ко мне, сделай вид, что мы незнакомы! В этом — фокус! Обещаешь?

Луиза обиженно пожала плечами.

Со слов Теофиля она знала, что Рауль по выходе из Сент-Пелажи возобновил слежку за полицейскими и судейскими чиновниками Империи, изучал их повадки, склонности, пороки, ядовито и хлестко высмеивал их в своих фельетонах. Ему отвечали ненавистью, угрозами, подсылали наемных головорезов. Но Риго всегда ходил с пистолетом, и заставить его врасплох оказалось не так-то просто. А в ответ на упреки Мари и друзей он отмахивался, хохоча: «О, кому суждено быть повешенным, тот не утонет!» Он не пропускал ни одного политического процесса, его ежедневно можно было встретить во Дворце юстиции, где он позволял себе по адресу имперского судилища довольно рискованные шуточки и замечания. Но пока ему все сходило с рук.

В назначенный час Луиза сидела в одном из укромных уголков «Кумира», наблюдая за шумной компанией, — в ней она сразу угадала судью Дельво. Она и раньше слышала о похождениях этого выпивохи и сладострастника, но видела его впервые. Обрюзгший толстяк с узенькими щелочками заплывших глаз, самодовольный и бесцеремонный, он произвел на Луизу отталкивающее впечатление.

Дельво и его компаньоны пили много и шумно, перебрасывались игральными картами, щипали официанток, запросто шутили с владельцем «Кумира», — чувствовалось, что они здесь завсегдатаи.

Вскоре к Луизе присоединился Теофиль, они теперь часто проводили вечера вместе. В белоснежной рубашке с расстегнутым воротом он показался Луизе очень молодым. Если бы не черная разбойничья борода, выглядел бы совсем юным!

А вскоре появилась и Мари. Луиза успела заметить, что Рауль проводил девушку до дверей «Кумира», но сам не вошел.

— Что за маскарад, Тео?! — возмутилась Луиза, с неприязнью рассматривая кричащий наряд Мари. Обычно одетая строго и скромно, Мари была не похожа на себя! Красная шляпка, вульгарный красный ридикюль, насурмленные брови, подкрашенные губы — ну прямо девица с площади Пигаль! Отвратительно!

Теофиль положил теплую ладонь на руку Луизы.

— Не сердитесь, Луиза! И не думайте о пей плохо, — шепнул он, — Толстобрюхий должен клюнуть на такую приманку.

С вызывающим видом Мари уселась за свободный столик неподалеку от компании Дельво, попросила бутылку лимонада. Перекинув ногу на ногу, жеманно щурясь, смотрела по сторонам. Минут через пять судья швырнул карты на стол.

— О, друзья! Я пас, выхожу из игры! Не мешает заняться и более приятным делом! — И с откровенным призывом улыбнулся Мари, широким жестом приглашая за своп стол.

Мари отказалась, тогда порядком хмельной Дельво сам перебрался за столик Мари, повелительно постучал монетой по мрамору стола. И сейчас же перед Мари появилась бутылка шампанского в мельхиоровом ведерке со льдом, ваза с апельсинами, коробка шоколада.

Придвигаясь ближе к Мари, толстяк шептал ей что-то, девушка стряхивала со своего колена его пухлую руку.

— Вот уж никогда не думала, что Мари такая актриса! — недовольно шепнула Луиза Теофилю. Она лишь сейчас поняла, почему Ферре, прячась в уголке, присутствовал на этом спектакле, — вдруг кто-нибудь обидел бы его сестренку!

Вскоре собутыльники судьи попрощались и ушли, один из них пожелал Мари с пошлой улыбкой:

— Неспокойной вам ночи, мадемуазель!

Луиза с осуждением покачала головой.

— Не по душе мне эта комедия, Тео! Зачем вы ее затеяли, большие мальчишки!

Теофиль склонился над столиком.

— Послушайте, Луиза! Завтра в Верховном суде слушается дело студентов медицинского факультета Сорбонны, друзей Рауля. Судить будет Дельво. Ожидается жестокий приговор. И потому решено поугагать сановную сволочь. Вдруг подействует?.. Маленькая порка ему не помешает.

— Как же вы ухитритесь его выпороть?

— А вот увидите...

Часом позже, когда Дельво с пьяной щедростью расплатился с владельцем «Кумира» и потащил Мари под руку к двери, Луиза заметила, как за окнами метнулись тени. А еще через секунду на улице раздался яростный крик Риго:

— Как?! Это ты, Мари?! Абу! Ты позволяешь старому борову волочиться за собой?! А ну, марш домой, негодная девчонка! А брюхатого донжуана мы сейчас проучим! Эй ты, жирная морда...

Посетители «Кумира» поспешили на шум, Теофиль тоже поднялся.

— Выйдем, полюбуемся, Луиза!

У дверей теснились любопытные, и, когда Теофиль и Луиза выбрались на улицу, красная шляпка Мари мелькнула за углом переулка. А Рауль и трое его друзей, прижав Дельво к стене, награждали его увесистыми пощечинами и тумаками.

— Ты будешь приставать к девушкам?! У тебя же, наверно, такие дочери, старый хрыч! — И тише, в лицо: — За каждый новый приговор, подлая тварь, будешь бит до полусмерти! А потом придушим! Крыса судейская! — И опять громко, на всю улицу: — Соблазнитель! Где полиция нравственности?! Или пузатым все позволено?!

Дельво жался к стене, старался прикрыть ладонями лицо, что-то бормотал, вздрагивая при каждой оплеухе.

Вдали раздавались свистки полицейских. Другьям Риго пора было улепетывать. В переулке свистнул куут, задребезжали но камням колеса экипажа.

Наконец появились полицейские, и Дельво набросился на запыхавшегося ажана, подбежавшего первым:

— Где вы шляется, безмозглая скотина?! За что платят вам, негодяи?! Вы знаете, кто я?! Завтра же доложу префекту, и вы узнаете, почем жареные каштаны! Как фамилия, остопоп?!

— Но, ваша честь! Пост далеко. Я не успел...

— Как фамилия, спрашиваю, болван?! — кричал Дельво, брызжа слюной.

— Пойдем! — Луиза тронула Ферре за локоть. — Противно!

Вернулись в кафе, расплатились и отправились по домам. Теофиль проводил Луизу до площади Клиши, договорились завтра встретиться в Верховном суде. Интересно, как Дельво поведет процесс.

— А может, попросит заменить себя? — предположила Луиза. — Он же, наверно, весь в синяках.

— Посмотрим.

Заснуть Луиза долго не могла, прислушивалась к надрывному кашлю Пулен, к стрекоту невидимого сверчка. И думала: а как бы сейчас жила Франция, если бы бомба Орсини уничтожила узурпатора? Но — какая нелепость! — бомба, взорвавшаяся у подъезда театра, убила десять и ранила более ста ни в чем не повинных, а Бопарт не получил и царапины!

Вспомнилось и еще одно покушение на Баденге, о нем как-то рассказывал Теофиль. Наблюдавшие за дворцом бланкисты обнаружили, что иногда по ночам кто-то в закрытом экипаже отправляется из Тюильри к дому «божественной графини», красавицы Вирджинии Кастилионе и остается там до рассвета. Как удалось выяснить, это был император!

Тогда по полуночным улицам Парижа без конца разъезжали скверно пахнувшие обозы. Заговорщики приобрели фургон для вывозки нечистот и три часа поджидали невдалеке от особняка графини. Если бы задуманное удалось, никто не догадался бы, что император, «слава и надежда Империи», окончил свои дни в клоаке Ла-Виллет. Но царственный любовник как раз тогда сменил одну прелестницу на другую, и его экипаж более не появлялся у дома Вирджинии на Елисейских полях.

Засыпая, Луиза шептала строки Гюго, недавно дошедшие контрабандой до Парижа с далекого острова Джерси:

“ О Франция! Пока в восторге самовластья
Кривляется злодей со свитой подлецов,
Тебя мне не видать, край горести и счастья,
Гнездо моей любви и склеп моих отцов...
Изгнание свое я с мужеством приемлю,
Хоть не видать ему ни края, ни конца.
И если силы зла всю завоюют землю
И закрадется страх в бесстрашные сердца,
Я буду и тогда республики солдатом!
Меж тысячи бойцов — я непоколебим;
В десятке смельчаков я стану в строй десятым;
Останется один — клянусь, я буду им!

И еще мелькнули в памяти строчки, это уже о нем, о самом ненавистном:

“ Для алой мантии его монаршей славы
Вам пурпуром, ткачи, не надо красить нить:

Вот кровь, что натекла в монмартрские канавы, —
Не лучше ли в нее порфиру опустить?

Уснула под утро. И снилось ей, будто мутная бескрайняя вода несла ее куда-то под грозовым небом, и смертная тоска сжимала сердце: потеряла и никогда больше не увидит Теофиля...

Утром отправилась в здание Верховного суда и там застала Теофиля и Риго.

Зал суда был полон — студенты, журналисты, рабочие. Трое друзей с трудом протиснулись к первым рядам. Блюстители порядка стеной окружали судейский стол и барьер, за которым находилось четверо подсудимых. Они обвинялись в том, что «высмеивали в студенческом журнале безнравственность обреченного на безбрачие католического духовенства». Риго жестом приветствовал приятелей, студенты помахали ему своими каскетками.

Оказывается, Дельво не запугала вчерашняя взбучка. Вон он, облаченный в длиннополую черную мантию, насупившись, шествует к судейскому столу. Он сразу узнал Риго, тигрино сверкнули хищные глазки, злобно скривился рот.

Суд оказался коротким, а приговор суровым. «Стоячий судья», прокурор, метал словесные громы, потрясал над головой брошюрками студенческого журнала, призывал суд обрушить на богохульников жестокую кару.

Когда Дельво огласил приговор, — каждому четыре месяца тюрьмы и двести франков штрафа, — свора жандармов принялась выталкивать осужденных из зала. Рауль махал друзьям шляпой, пока за ними не закрылась дверь, а потом, подмигнув, поманил Луизу и Теофиля за собой.

— Пойдем!

Завсегдатай, он знал все закоулки здешнего лабиринта. По боковым переходам он привел друзей к дверям, через которые покидали здание чиновники правосудия и свидетели обвинения. Главный вход не для всех был безопасен. Здесь он показал служителю журналистский билет:

— Интервью для правительственных газет, любезный!

— Пожалуйста, мосье!

— Подождем? — шепнул Риго. — Я знаю повадки этой грязной свиньи. Он сейчас побежит выпить стаканчик мартини, у него пересохло в глотке.

— Но, Рауль, он же узнал вас! — заметила Луиза. — Вы видели, какая злоба в глазах? Он возбудит против вас дело об избиении, как было с Рошфором, поколотившим типографа Рошета. Вспомните: несмотря на блестящую защиту, Дельво отправил Рошфора на четыре

месяца в тюрьму!

Служитель, отходивший, чтобы закрыть окно, возвращался, и Риго договорил шепотом:

— О нет, гражданка Луиза! Высокочиновный боров слишком дорожит своим корытом, он не захочет огласки вчерашнего!

Тяжелая дверь распахнулась, и из нее чередой потянулись чиновники имперской Фемиды. При виде Риго Дельво отшатнулся.

— Зачем вы пускаете сюда посторонних, Жюльен? — накинулся он на служителя.

Риго нахально рассмеялся в лицо Дельво.

— О! Не боитесь повторения вчерашнего, ваше бесчестье! Мы намеревались лишь справиться о вашем драгоценном здоровье и спросить: значит, вчерашнее не пошло впрок?!

Дельво побагровел, щеки затряслись и стали похожи на переспелые помидоры. Он не сказал, а прошипел, проходя мимо:

— Вы еще попадете в мои лапы, Рауль Жорж Адольф Риго! И, поверьте, я не позавидую тогда вашей участи! Я буду беспощаден!

— К вашим услугам! — ослепительно улыбнулся Риго. — Когда-нибудь, ваше бесчестье, и вы попадете в мои лапы. И я тоже буду беспощаден! — И уже без улыбки, став серьезным, спросил: — Неужели вы, Дельво, не чувствуете, что дни Империи сочтены? А ведь я считал вас умным человеком!

Не ответив, судья пошел дальше.

Оглянувшись на шагавшего рядом Теофиля, Луиза помрачнела: еще одна-две такие истории — и Большие Гавроши снова окажутся в тюрьме. Любившая озорные проделки, она все же не могла удержаться от укора.

— Безрассудны такие мальчишеские выходки, Рауль, — она покачала головой, — слишком дорого приходится за них платить. Он же сожрет вас вместе с ботинками и вашей пышной шевелюрой, если вы попадете в его когти!

— О-ля-ля! — ответил Риго любимым восклицанием Мари. — Скоро, надеюсь, я стану прокурором или судьей Республики, и тогда горе таким Дельво!

Тревожные предчувствия не покидали Луизу, она боялась нового ареста Теофиля.

По Парижу ползли слухи, что жандармы и шпики «фабрикуют» очередной заговор о государственном перевороте и покушении на жизнь «обожяемого» монарха. При обысках подбрасывают в квартиры гремучую ртуть, селитру и что-то еще, необходимое для изготовления бомб, — о, они тоже кое-чему обучились у безвременно погибшего Орсини!

Да, Париж переживал бурные дни, пробуждался после почти двадцатилетней инквизиторской «ночи Империи». По выражению одной из газет, Гулливер просыпался и потягивался со сна, трещали и лопались его путы. Зарева близких пожаров, чудилось, уже пламенели в зеркальных окнах дворцов. Потомственные аристократы и буржуа-нувориши в ожидании революционного грома тряслись от страха в раззолоченных покоех.

Всколыхнула страну небывалая волна забастовок. Прекратили работу десять тысяч литейщиков на металлургических заводах одного из «столпов нации», главы Законодательного собрания, Эжена Шнейдера; требовали своих прав шахтеры Сент-Этьена и ткачи Лиона; бастовали сыромятники, переплетчики и печатники Парижа. В июне полиция, войска и мобили расстреляли демонстрацию бастующих шахтеров на улицах Ла-Рикамари. На следующий день братская могила приняла тринадцать гробов, украшенных черными и красными лентами.

Не прекращались аресты — в камеры Мазаса, Сент-Пелажи и Консьержери набивали столько узников, что спать им приходилось по очереди. Без отдыха трудились Дельво и его коллеги, похожие в своих черных мантиях на зловещих воронов. И эта кровавая камарилья смела называть себя «либеральной»!

Так, задыхаясь от гнева, думала Луиза. И поздней ночью, при свете свечи, записывала:

“ Смерть вам, презренным негодяям,
Но смерть не на святых полях,
Где наших мучеников прах!
Их кровь мы с вашей не смешаем.

Как-то в октябре под вечер Луиза, как обычно, забежала поужинать в один из варленовских «котлов» вблизи ворот Сен-Дени. Она любила эти рабочие столовки с дешевой и неприхотливой едой. По вечерам они превращались в своеобразные клубы — для отвода глаз в них подавали дешевую выпивку, — за стаканом вина или кружкой пива здесь коротал свободные часы рабочий люд.

Здороваясь на ходу со знакомыми, Луиза пробиралась между столиками в угол, к окну, где они с Мари обычно ужинали. Но сестра Теофиля еще не явилась, на ее месте сидела незнакомая девушка в синей жакеточке и такой же шляпке.

— Я вам не помешаю?

— О нет, как можно!

Из-под полей шляпки на Луизу приветливо глянули большие, не то синие, не то зеленые глаза. «Какие красивые», — подумала Луиза. Да и сама девушка была красива: нежное, хотя и утомленное, лицо, выбивающиеся на лоб белокурые вьющиеся прядки, толстая коса, переброшенная на грудь. И губы — милые, мягко очерченные, по-детски чуть припухшие.

«Она не француженка», — решила Луиза. Ожидая, пока ей принесут тарелку бобового супа, смотрела на руки девушки, на тоненькие аристократические пальцы, их кончики были темными, — по ним Луиза догадалась о профессии незнакомки.

Та неторопливо доедала поджаренные макароны и изредка вскидывала глаза на входную дверь: кого-то, видно, ждала.

— Вы работаете в типографии? — спросила Луиза.

Здесь, в рабочих столовых, люди заговаривали друг с другом и знакомились запросто, без церемоний.

Отодвинув тарелку, девушка откинулась на спинку стула и ответила Луизе открытым, доверчивым взглядом, с грустной улыбкой посмотрела на свои пальцы.

— Никак не отмываются, негодные! — сказала она с каким-то детским выражением. — Свинцовая пыль ужасно въедливая!

Чуть помолчали, с симпатией рассматривая друг друга.

— Вы не француженка, — сказала Луиза. — Кто же вы?

— Я русская, — легко отозвалась блондинка. — И в Париже всего полгода, приехала в апреле. А иногда кажется, что живу здесь всю жизнь. И, знаете, Россия — Москва, Петербург, родовое имение — все вспоминается как далекий-далекий сон, все словно в дыму, в тумане...

— Россия, — задумчиво протянула Луиза. — В прошлом году я прочитала «Записки из Мертвого дома» — какая страшная обвиняющая книга! Меня она так взбудоражила, что я принялась искать все, что написано у нас о процессе петрашевцев. Очень напоминает нынешнюю Францию. А вы не встречали в Москве или Петербурге Достоевского?

Луиза с удивлением заметила, что девушка покраснела и нахмурилась, тоненькая вертикальная складочка легла на лбу между плавно изогнутыми бровями. Девушка тряхнула головой, словно отгоняя грустные мысли, по ответила просто:

— Я хорошо знаю Федора Михайловича... Одно время мы очень дружили... четыре года назад...

— Простите, — сказала Луиза, отставляя тарелку. — Давайте знакомиться. Меня зовут Луиза Мишель.

— А меня зовите Аней, — улыбнулась девушка. — Так зовут меня друзья. Фамилия — Корвин-Круковская, а по мужу — Жаклар. Я в Париже успела влюбиться и выйти замуж.

— Ну расскажите же о себе! — попросила Луиза. — Что привело вас в Париж? Что выгнало с родины?

— О, весьма обычная для матушки-Руси история. — Аня вздохнула и снова улыбнулась. — Мой отец — генерал и помещик, ретроград и крепостник, он до сих пор не может простить царю реформы шестьдесят первого года. Все время твердит: «Царь Александр предал и ограбил пас, самых верных своих слуг». И так далее в том же роде... А жили мы в имении Палибино в Витебской губернии. И я еще девочкой насмотрелась на безысходную крестьянскую жизнь. Боже мой! Как было непереносимо горько, как хотелось вырваться, уехать. Я умоляла отца отпустить меня учиться в Петербург или за границу, но он и слушать не хотел. А тут появился у нас в Палибино сосед, питерский студент, Николая Межинов. Тайком от отца он приносил мне «Современник», «Русское слово», герценовский «Колокол»... Ой, как я мечтала и не чаяла вырваться! Представьте, я даже решилась на фиктивный брак, лишь бы освободиться от отцовской опеки. Но к несчастью, — а может быть, и к счастью! — мой избранник господин Ковалевский предпочел мне мою сестру, Соню. Я его понимаю: Сонечка чрезвычайно талантлива и умна, ее работы по математике печатаются во многих странах! И, представьте, как чудесно вышло! Они поженились, поехали за границу, и отец отпустил меня с ними. Поверите ли, я плакала от радости, когда села в вагон, когда переезжали границу.

Аня звонко, на весь зал, рассмеялась, сконфузилась и, робко глянув по сторонам, развела руками.

— И вот видите — я здесь!

— А сестра тоже в Париже? — поинтересовалась Луиза.

— Нет, они остались в Швейцарии.

— И ваш отец, узнав о происшедшем, перестал посылать вам денежки? — усмехнулась Луиза, показав глазами на руки собеседницы.

— Вы угадали! — И Аня снова рассмеялась. Смех у нее был удивительно заразительный, чистый и звонкий, на розовых щеках играли милые мягкие ямочки, смешно морщился носик. — Но я счастлива! Мне всегда жгли ладони отцовские деньги, всегда думалось, что они украдены у голодных мужицких ребятишек.

— Расскажите о Достоевском, — попросила Луиза, положив руку на тоненькие пальчики Ани. — «Преступление и наказание» произвело у нас на всех потрясающее впечатление! Трагическая фигура Раскольникова, его надлом, его обреченность, — я, пожалуй, не смогу назвать литературного произведения, которое подействовало бы на меня сильнее.

Аня опять задумалась, печальная морщинка снова рассекла матово-нежную кожу ее лба, зеленоватые глаза потемнели.

— Ну, хорошо... — Легко вздохнула и провела ладонью по лбу, будто стараясь стереть морщинку. — Мне больно говорить о прошлом, Луиза, но я чувствую себя бесконечно виноватой перед Федором Михайловичем, и, наверно, мне до конца дней моих суждено носить в себе эту боль...

Она на секунду умолкла, но Луиза не торопила, ждала.

— Четыре года назад, — продолжала Аня, — Федор Михайлович просил меня стать его женой. Я ему отказала. Я слишком слаба, чтобы принести себя в жертву. Даже ему, гению! Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я так не могу, я сама хочу жить, бороться! Понимаете, Луиза? Наверно, я просто мелкая и подлая эгоистка? Да? Вы меня осуждаете, Луиза?

Луиза нерешительно покачала головой.

— Не знаю... А он не был женат?

— Был. Женился вскоре после каторги, в Кузнецке. Но Мария Дмитриевна умерла пять лет назад. А ему так необходима женская забота, женская рука... Три года назад он все-таки женился на некой Сниткиной, стенографистке, — диктовал ей «Игрока»... Надеюсь, счастлив с пей...

— Они в Петербурге?

— Сразу после свадьбы куда-то уехали, кажется в Швейцарию. В Петербурге утверждают, будто им пришлось бежать от кредиторов. Вот она — российская действительность! Гений, равного которому нет в мире, вынужден спасаться от нужды бегством. Каково?!

Луиза вспомнила о Гюго, скитающемся на чужбине, но ничего не сказала. Помолчали, прислушиваясь к ожесточенному спору за соседним столиком. Там пожилой бородач в запыленной белой блузе каменщика, сердито сверкая глазами, кричал собеседникам, стуча пивной кружкой по столу:

— А я говорю, что ваш хваленый Пьер Жозеф Прудон — путаник. Он пытается увести нас от насущных задач дня! Его «социальная гармония», его призыв к единению с буржуазией, его осуждение забастовок и профессиональных союзов — это отказ от борьбы, это на руку только кровососам! Как вы не понимаете?! Я его «Пепль» еще в сорок восьмом читать не мог. А вы твердите: Прудон, вождь, мессия!

О, сколько похожих, шумных и страстных споров слышала Луиза, в скольких сама принимала участие! Она снова повернулась к собеседнице, протянула задумчиво:

— Жаклар? Я понаслышке знаю вашего мужа, мне рассказывал о нем Рауль Риго. Они вместе учились на медицинском факультете Сорбонны, вместе ездили на Льежский студенческий конгресс в шестьдесят пятом. Не ошибаюсь?

— О, нет! И их обоих с грохотом выставили из Сорбонны! Такие негодные мальчишки!

— Большие Гавроши? — улыбнулась Луиза.

— Вот-вот! — При первом же упоминании имени мужа лицо Ани как бы осветилось изнутри, загорелись ласковым теплом, стали почти синими глаза, налились румянцем щеки.

«Счастлива в любви», — с невольной завистью подумала Луиза. Спросила:

— Его зовут, кажется, Шарль?

— Да, Шарль-Виктор. О, он такой замечательный, такой смелый! В прошлом году делегировался в Берн на конгресс Лиги мира п свободы... А в шестьдесят шестом полгода просидел в Сент-Пелажи...

Аня наклонилась над столом, приблизила лицо вплотную к лицу Луизы.

— Я боюсь за пего, Луиза! — вполголоса, со страстной тоской воскликнула Аня. — Каждую ночь жду, что за ним придут, схватят, засудят, сошлют в Кайенну! За пим все время следят, шпионят...

Луиза печально улыбнулась: разве не те же чувства одолевают и ее, и Мари Ферре?

— Вы смеетесь?! — изумленно, с удивлением п горечью спросила Аня, отшатываясь.

— О, нет, нет! Я просто подумала о сходимости женских судеб...

— Ваш муж — тоже? — быстро спросила Аня, накрывая своей рукой руку Луизы.

— Я не замужем! — ответила Луиза и почувствовала, что краснеет.

— Да? — Аня почему-то смутилась, но, оглянувшись на скрипнувшую входную дверь, вскочила и, размахивая шляпкой, закричала, стараясь перекрыть шум зала:

— Шарль! Шарль! Сюда!

Полуобернувшись, Луиза увидела у двери высокого чернобородого юношу с темными живыми глазами. Рядом с ним, вскинув над головой стиснутые кулаки, стоял Эжен Варлен.

И сразу в зале «Котла» прекратились споры и крики, все вскочили, приветствуя Варлена. Со слов Теофиля Луиза знала, что Варлен уехал в Базель на очередной конгресс Интернационала, его возвращения ждали с нетерпением. И сейчас Луиза наблюдала, как десятки людей обнимают Варлена, как каждая компания старается увлечь его к себе.

Но Жаклар никому не уступал своего спутника. Крепко держа его под локоть, пробирался сквозь шумную толпу к столику, где стояла сияющая Аня.

Угловой столик тут же отодвинули от стопы, и вокруг него столпились множество людей, — всем хотелось знать, что произошло в Базеле, что постановил конгресс?

Варлен посматривал на собеседников с обычной мягкой улыбкой. Кто-то поставил перед ним стакан вина.

— Каковы решения конгресса, спрашиваете?.. Что ж, могу обрадовать, друзья: силы наши растут! До сих пор мы были бессильны, потому что были разъединены. Но наступает эпоха великого единения рабочего класса!

Луиза слушала, а сама искоса наблюдала за Аней Жаклар, — та нежно поглаживала руку Шарля. Счастливые!

Под окном остановилась темная фигура в треуголке: дежурный ажан интересовался, что происходит в «Мармите».

А Варлен продолжал:

— Сейчас важнейшей задачей является слияние всех рабочих обществ в Федеральную палату, — тогда мы станем несокрушимой силой...

Послышался звон разбитого стекла, — кто-то так стремительно распахнул двери, что одно из стекол от удара в стену брызнуло на пол. Все оглянулись. Варлен замолчал и сделал глоток вина. Лицо у него было усталое.

А к столику сквозь толпу пробивались Ферре и Риго.

— Привет! Привет, граждане! — кричал Риго, помахивая перчатками. — Привет, Эжен! Ты вовремя вернулся, молодчина! — Риго вскочил на свободный стул. — Слушайте! Слушайте, граждане! Империя опять заливает кровью грудь рабочего класса! В Обене полиция и мобили расстреляли безоружную демонстрацию бастующих шахтеров, их жен и детей! Десятки убитых, сотни раненых! Снова на землю Франции льется кровь!

Крики возмущения заглушили последние слова Риго, а он, спрыгнув со стула, шагнул к Варлену.

— Гражданин Варлен! К твоему голосу прислушивается весь рабочий и молодой Париж! Необходимо десяток слов за твоей подписью для моей повой газеты «Демокрит»! Пиши, Эжен! — И положил перед Варленом карандаш и раскрытый блокнот.

Потирая ладонью широкий лоб, Варлен посмотрел в окно, где неподвижно маячила фигура в черной треуголке.

— Ладно! — Придвинув блокнот, написал и тут же прочитал вслух: — «То, что произошло в Обене, подобные зверские убийства вынуждают нас еще раз заявить, что невозможно жить при таком социальном строе, когда на мирные манифестации капитал отвечает смертельными ружейными залпами...»

Луиза смотрела на спокойное лицо Варлена, на сильные руки ремесленника и думала, что этот крестьянский сын, простой переплетчик заслуживает не только уважения, но и удивления. Вместе с ней он посещал курсы на улице Отфейль, самостоятельно изучал латинский и греческий, чтобы в подлиннике читать писателей древности, — разве это не поразительно? Какие же могучие силы таятся в нашем пароде!

Той памятной осенью Луиза просто изнемогала. Ее властно тянула к себе мечта всей ее жизни — борьба, но невозможно было ни бросить школу, ни передоверить занятия таявшей на глазах мадемуазель Пулен.

Школьные занятия были бы для Луизы просто невыносимыми, если бы не сознание, что она воспитывает «своих девочек» так, как того требует завтрашний день Франции, что благодаря ей они вырастут не тупыми самодовольными мешаночками, а патриотками, готовыми на подвиг и самопожертвование, — не зря же она часто напоминает им о славной и трагической судьбе сожженной на костре крестьянской девушки из Домреми...

А обстановка во Франции все накалялась! На основных выборах в Законодательный корпус оппозиция получила на полтора миллиона голосов больше, чем шесть лет назад, трон под усатым императором шатался и скрипел все сильнее...

— Мы живем на вулкане, Луиза! — сказал ей как-то Ферре. — Лава народного гнева вот-вот прорвется и испепелит Баденге и его прихвостней! Вы полюбуйте на его жирную свору!

Разговор происходил в «Комеди Франсез», куда неугомонная Мари затащила брата и Луизу. Нет, их привлек в театр не душещипательный водевиль покойного мосье Скриба! В журналистских кругах стало известно, что этот спектакль «соизволит осчастливить присутствием Его Величество с семейством и гостящей в Тюильри царственной родней» — так завтра с восторгом сообщит лакейская «Фигаро».

Сейчас партер и ложи слепили глаза: модные диадемы а-ля императрица Евгения, блистающие кольца, ожерелья и браслеты великосветских львиц, эполеты и ордена военных чинов и сановников, кресты, аксельбанты, ленты Почетного легиона, трехцветные перевязи депутатов. Шуршали шелка и бархат, отделанные нежнейшим гипюром и валансьенскими кружевами, перезванивались серебряные шпоры, искрилось драгоценными камнями именное оружие.

Императорская семья еще не появлялась, и зал непринужденно шумел, но глаза «верноподданных» постоянно обращались к державной ложе, где на фоне красного бархата простирал крылья и топырил когтистые лапы позолоченный орел.

Журналист и газетчик, Теофиль знал в лицо почти всех вельмож и сановников, «славу и гордость нации», и с саркастической усмешкой сообщал Луизе подробности.

— Этот? В генеральском? — язвительно переспрашивал он, щурясь сквозь пенсне. — Стыдно не знать, миледи! Это известный всему миру герой, маршал Ашиль Базен! Именно он покрыл себя немеркнущей славой, возглавляя Мексиканскую экспедицию, именно на его руках кровь тысяч французских парней, закопанных в землю Америки! А рядом видите уродливо-лобастую, горилью башку? Это генерал Трошю, тоже герой. Посмотрите: вся грудь в звездах, словно иконостас! А толстяк в соседней ложе — глава Законодательного корпуса Эжен Шнейдер, владелец сталелитейных и пушечных заводов в Крезе и...

Теофиль не договорил — грохот аплодисментов и ликующие крики прервали его. Стоя спиной к сцене, сановная, вельможная Франция приветствовала своего кумира.

— О-ля-ля! — с гримаской деланного восхищения воскликнула Мари. — И маленький Баденгетик, Наполеончик Четвертый тут. О-ля-ля, пупсик!

В парадном мундире, с широкой голубой лентой через плечо Луп Бонапарт стоял в глубине ложи и напряженно смотрел в зал.

— Клянусь, душонка у него в пятках! — усмехнулся Ферре. — Он не может забыть бомбы Феличе Орсини!

— С какой радостью я отдала бы жизнь, чтобы увидеть эту гадину дохлой! — шепнула Луиза. Лицо у нее побледнело, ноздри тонкого носа нервно раздувались.

— А вы думаете, Луиза, что здесь, — Теофиль сердито кивнул вниз, — не найдется ему замены?! Будьте спокойны, сударыня! Убивать их надо всех вместе, лишь тогда восстание обретет смысл!

Луиза с удивлением оглянулась на Теофиля, — никогда не видела его таким ожесточенным.

Водевиль оказался пошленький, сентиментальная мелодрамка с обязательной мещанской назидательностью. С отвращением глядя на сцену, Луиза вспоминала пьесы Гюго, — восемнадцать лет Париж не видит «Рюи Блаза», «Марии Тюдор», «Лукреции Борджиа»!

В антракте журналисты оживленно обсуждали последние события.

— Вон там галдят о чем-то мои соратники по «Улице» и «Шаривари», — сказал Теофиль своим спутникам, пробираясь сквозь толпу. — Пойдемте. Я познакомлю вас.

У задернутого драпировкой окна стояли братья Луи и Виктор Нуары, красивые, ладные, похожие друг на друга, «словно два су чеканки одного года» — так посмеивался над ними Теофиль. Были здесь: знакомый Луизе писатель и публицист Жюль Валлес с иконописным лицом, с задумчивыми обжигающими глазами; журналисты Паскаль Груссе и Гастон Дакоста; бывший бочар, а ныне газетный издатель Жан Баптист Мильер, многие другие, — кое-кого Луиза встречала в редакциях прогрессивных газет.

— О чем шум, братия? — спросил Ферре, подходя, — Какая-нибудь сенсация?!

— Да, Тео! В Фени, на границе, арестован Рошфор!

Теофиль представил друзьям сестру и Луизу, и все снова заговорили, зашумели. Да, да! Находившийся с августа прошлого года в эмиграции редактор знаменитого «Фонаря», бежавший от тюрьмы за границу, возвращался в Париж по приглашению избирателей, — на дополнительных выборах он выдвинут в Законодательный корпус. Но на перроне пограничного Фени полицейский комиссар задержал Рошфора, и «кандидат в депутаты» находится сейчас под надежной охраной.

— Ну и дураки, повторяю я! — усмехнулся Паскаль Груссе, обращаясь к Теофилю. — Безмозглые! Они лишь увеличивают популярность Рошфора!

— Безусловно! — согласился Ферре. — Хотят они или не хотят, а освободить Анри им придется. А уж после такой рекламы избрание обеспечено!

— Вы уверены? — язвительно улыбнулся Гастон Дакоста, поглаживая чисто выбритую щеку. — А почему не предположить, что они все же упрячут Рошфора в Сент-Пелажи? Ему же что-то причитается по суду за избивание пасквилянта Рошета!

Луиза знала Анри Рошфора, которого трибунал под председательством того же Дельво «за оскорбление особы императора, возбуждение ненависти и презрения к правительству» приговорил к тюрьме. Предупрежденный издателем Вильмессаном, Рошфор успел уехать за границу, где и продолжал издание «Фонаря». Журнал доставлялся в Париж контрабандным путем.

— Да! Вы, может быть, не знаете, что приключилось с «Фонарем» не так давно, — рассмеялся Груссе. — Анри умудрялся, оказывается, доставлять брошюры «Фонаря» в Париж в... можно ли поверить?! — в гипсовых бюстах императора! Да, да! Во Франции больше тридцати тысяч общин, и большинство из них заказало бельгийскому скульптору — уже не помню имени — бюст самодержца! Бюсты ежедневно перевозят через границу. Ну, у кого же из таможенников или полицейских поднимется рука потрошить бюст великого?! Кошунство! А бюсты-то полые! И вот однажды на той же Фени очередной бюстик нечаянно кокнули, и — представьте! — из императора посыпались красные рошфоровские книжечки! Боже мой, что творилось на таможне!

— И все же я убежден, — сказал Груссе, — что завтра Рошфор приедет в Париж! И приедет свободным!

— А засим — новость номер два! — глуховатым баском произнес молчавший до сих пор Жан Мильер, — Ваш покорный слуга, — он чуть поклонился, — внес залог и получил разрешительный штампель на издание газеты «Марсельеза». Он счастлив пригласить мадемуазель и мосье сотрудничать! Он заручился согласием Огюста Бланки, Поля Лафарга, Эжена Варлена и Женни Маркс. Первый номер «Марсельезы» имеет выйти в свет двадцать девятого декабря сего года. Жду вас на улице Абукир, что у ворот Сен-Дени! А кто из вас первым увидит Рошфора, прошу передать, что один из редакторских столов в моей газете его ждет.

А через две недели, десятого января...

В тот хмурый день, отпустив учениц, Луиза заторопилась на курсы, где слушала лекции по естествознанию, физике и химии. Она любила не только эти занятия, она любила шумную толпу, наполнявшую классы и коридоры курсов, — их посещали в основном мятежно настроенные молодые люди. Теперь именно здесь она часто встречалась с Теофилом.

Торопливо бежала по спускавшимся с Монмартра узким улочкам. Вечерело. В переулки напоздали тени. Прошел, волоча ноги, фонарщик с лестницей на плече, — его путь отмечали синеватые огни загорающихся газовых фонарей. Прошагали два трубочиста в цилиндрах, с испачканными сажей, утомленными лицами. Промаршировала, вызывая звеня шпорами, группа напыщенных кавалерийских офицеров. На ступеньках паперти церкви Святого Жака

скорчилась закутанная в изодранную кофту девочка. У Луизы защемило сердце.

Порылась в кармашках старенького, на рыбьем меху, пальтишка, наскребла горсть монеток и, оставив себе полфранка, сунула остальные в худую, иззябшую ладошку.

— Иди! Купи хлеба и беги домой.

Когда добралась до людного, как и всегда в эти часы, бульвара Сен-Дени, услышала пронзительные вопли газетчиков:

— Убийство на улице Отейль!

— Принц Пьер застрелил Виктора Нуара!

— Убит сотрудник «Марсельезы», секундант Паскаля Груссе!

Луиза остановилась, пораженная. Убит Виктор, такой молодой, такой талантливый?! Не может быть!

— Читайте «Марсельезу»! Читайте...

Вечерний выпуск «Марсельезы» и по формату, и по хлесткой краткости напоминал прокламацию, — текст набран крупным, жирным шрифтом.

Остановившись под газовым фонарем, Луиза прочитала:

«Я имел глупость думать, что Бонапарт может быть чем-нибудь другим, кроме как убийцей! Я смел воображать, что лояльный поединок возможен в этой семье, в которой убийство и западня являются традицией и обычаем.

Наш сотрудник Паскаль Груссе разделял со мною это заблуждение — и сегодня мы оплакиваем [его секунданта] нашего бедного и дорогого друга Виктора Муара, убитого бандитом Пьером Наполеоном Бонапартом.

Вот уже восемнадцать лет, как Франция находится в окровавленных руках этих разбойников, которые, не довольствуясь расстрелом республиканцев на улицах, увлекают их в гнусные ловушки, чтобы укокошивать их у себя на дому.

Французский народ! Разве не находишь ты, что пора положить этому конец?»

Подписано: Анри Рошфор.

Луиза перечитала два раза и лишь тогда подняла голову. Возле фонаря толпились люди с газетными листками в руках.

— Н-да! — рассерженно хмыкнул коренастый человек в потертом пиджаке, ни к кому не обращаясь. — Упрячут они теперь Рошфора за решетку. Как пить дать, упрячут! Дерзкий

господин! Недаром министр юстиции мосье Оливье заявил на днях, что Францией невозможно управлять, пока Рошфор на свободе!

— В тюрьмах и без Рошфора тесно, — хмуро заметил кто-то, кого Луиза не смогла рассмотреть. — Скоро половина Франции перейдет на казенный харч — в Мазас и Сент-Пелажи!

Она медленно пошла дальше. У арки Сен-Дени вкусно пахло жареными каштанами, — краснощекая женщина топталась у пышущей жаром сковороды. Луиза любила жареные каштаны и, когда в кармане позванивало несколько су, всегда покупала. Но сейчас равнодушно прошла мимо.

Как такое могло произойти? Почему двоюродный брат императора убил сотрудника «Марсельезы», республиканской газеты, которая с первого номера позволяет себе весьма язвительные выпады против Империи Луи Наполеона и лично против него? Ведь всему Парижу известно, что вот уже много лет принц Пьер не в ладах с царствующим кузеном!.. О, здесь есть над чем подумать!

Недоумения Луизы рассеял Теофиль. Она застала его и вестибюле курсов, — он ожидал, сидя на подоконнике, с неизменной сигарой во рту. Бледный, как всегда, блестя сквозь сильные стекла пенсне антрацитовыми глазами, ероша густую черную бороду, шагнул навстречу.

— Пошли! Не может быть, чтобы это кончилось просто! Час пробил! — Он с силой взял Луизу под руку.

В пути Теофиль пояснил Луизе, ради чего Пьер Бонапарт мог убить Виктора Нуара. Оказывается, принц послал вызов на дуэль Анри Рошфору, но того в редакции «Марсельезы» не было, и один из его друзей, Паскаль Груссе, немедленно отправил к принцу Пьеру секундантов: Виктора Нуара и Ульриха де Фонвиеля. Пьер Бонапарт намеревался убить Рошфора, чтобы войти в милость к царствующему кузену, — это ясно! Взбешенный тем, что к нему явился не Рошфор, не сумев сдержать необузданного корсиканского нрава, он и застрелил Нуара. Вот какова подоплека! Недаром же императрица Евгения, узнав о происшедшем, с восторгом воскликнула: «Пьер — настоящий родственник!»

— Париж в ярости! — говорил Ферре. — Париж бурлит! Вы посмотрите, Луиза, что делается на улицах. И обратите внимание — уже скапливаются войска и отряды полиции.

— Но ведь его положено судить, как уголовного преступника! — воскликнула Луиза. — За убийство полагается гильотина!

— Ой! До чего же вы наивны, Луиза, — усмехнулся Ферре. — Разве позабыли, что еще в пятьдесят втором году правительство приняло закон, по которому никто из императорской семьи не может быть предан обыкновенному суду. Убийца-то — Бонапарт! — Он помолчал, черные брови туго сошлись на переносице. — Ах, как жаль Виктора!

У дома принца Пьера на улице Отейль бушевала толпа, хотя Луи Нуар уже увез тело брата домой, а убийцу отряд полиции препроводил в тюрьму Консьержери.

В толпе раздавались крики:

— В Консьержери! Схватить принца-убийцу! Покончить с ним!

Луиза и Теофиль пробрались сквозь давку к парадному входу, поднялись на ступеньки. Кто-то из толпы крикнул им:

— Не входите! Там убивают!

Дверь оказалась заперта, и на стук Ферре никто не отозвался.

— Голову даю на отсечение, полиция просто спасала убийцу от суда Линча! — сказал Теофиль, когда они возвращались на Монмартр. — Народ разорвал бы эту падаль на мелкие клочья! Вот увидите, Луиза, во что выльются похороны Виктора! У вас есть оружие?

— Да. Кинжал. Я стащила у деда, когда мечтала о подвиге Гармодия.

— Возьмите с собой. Завтрашний день мы можем встретить на баррикадах! Взгляните, как кипят улицы!

На Монмартр Луиза добралась поздно, но и здесь, в кабачках и на улицах, не затихало возбуждение.

Мама Марианна поджидала Луизу у дверей, лицо — измученное, в глазах страх. И желтенькая Финеттка, скуля, бросилась под ноги, прыгая и стараясь лизнуть руку.

— Как я волновалась, Луизетта! — с горечью упрекнула мать, — Весь Париж, говорят, клокочет! А ты такая... с тобой любая беда может приключиться!

— О, мама! Ведь должны же мы добиться свободы! Придет же когда-то конец кровавому режиму! Этого рыжеглазого деспота...

— Ах, дочка, дочка! — перебила мать. — Ну разве можно?! Ведь за такие слова...

Луиза обняла ее, прижала к груди.

— Ой, мама, мама! Ничего ты, старенькая, не понимаешь!

В своей комнате, заваленной книгами и рукописями; Луиза прошла к столу, взяла чистый лист бумаги, написала легким летящим почерком:

Вперед, под пенье «Марсельезы»!

Вперед, друзья, вперед, вперед!

В гул битвы наши львы несутся.

Монмартру эхом вторит даль.
Не устоять тебе, Версаль,
Пред океаном революций!

Но долго усидеть за письменным столом не могла. Вскакивала, подходила к окну, раздвигала жалюзи, выглядывала на улицу. Обычно в этот час рабочие кварталы Монмартра уже спят: завтра подниматься чуть свет, спешить к станкам и машинам, гнуть спину четырнадцать — шестнадцать часов за жалкий кусок хлеба!.. Но смотри, Луиза, сегодня сквозь жалюзи и занавески светятся все окна, от первых этажей до мансард! Париж не спит, Париж готовится сорвать смирительную рубаху, напыленную на него косоглазым Баденге!

Шагая из угла в угол, Луиза прислушивалась к тому, что делается в спальне матери. Кажется, она легла, — стукнули о пол сброшенные — нога об ногу — туфли, скрипнула деревянная кровать. Нет, сейчас еще нельзя уходить, услышит.

Снова присела к столу и под недавно написанным стихотворением вывела крупными буквами:

«Мы грезим о будущем, и герой декабрьского переворота кажется нам единственным препятствием к свободе!»

Через полчаса, выйдя на цыпочках в коридор, Луиза постояла у дверей спальни матери, прислушалась к сонному дыханию. Теперь можешь, Луиза, часа два побродить по улицам. Неужели Теофиль прав, и правительство, предчувствуя завтрашние события, стягивает в город войска и полицейские силы?

Накинув плащ и надвинув на лоб широкополую шляпу, стараясь не скрипнуть дверью, Луиза выскользнула на лестницу.

Узкие улочки Монмартра опустели, лишь уборщики мусора копошились возле магазинов и складов да изредка грохотали колеса ломовых телег, подвозивших к утру хлеб, мясо и овощи.

Луиза направилась к центру, хотелось взглянуть, что делается в фешенебельных кварталах, где в роскошных особняках обитают потомственные буржуа и нувориши. Перейдя площадь Пигаль, по улице того же наименования спустилась к незаконченной постройке, обнесенному лесами колоссальному зданию Оперы, вышла на бульвар Капуцинок.

О, здесь вовсю кипела ночная жизнь!

Празднично пылали окна ресторанов и кафе, за которыми вспыхивали многоцветные искры драгоценных камней, радужно переливались шелка, гарсоны с ловкостью циркачей скользили между столами, неся над напомаженными головами сверкающие хрусталем подносы, приглушенно звучала музыка. А у подъездов с деланно скучающим видом прогуливались женщины, разодетые с показной и убогой претензией на роскошь.

Но сегодня Луиза отмечала и необычное, настораживающее. Да, Теофиль прав, во многих переулках попыхивают сигарками темные фигуры, поблескивают штыки. Ей даже показалось, что в одном из тупичков, неподалеку от редакции и типографии «Марсельезы», виднелись в полутьме очертания колес и пушечных дул.

Несмотря на молодость — ему не исполнилось и двадцати пяти, — Ферре часто оказывается прав в оценке и сегодняшних событий и будущего.

Как не раз бывало и раньше, Луиза поймала себя на мысли, что слишком много думает о Теофиле. Она боялась признаться себе, но еще никогда и ни к кому ее не влекло так, как к дерзкому и безрассудно отважному Ферре. Но не надо об этом, пусть все останется так, как есть. Пожалуй, и того, что имеешь, достаточно для счастья...

Домой Луиза вернулась поздно. Поднимаясь на Монмартр, на углу улицы Марти увидела ломовую телегу, груженную мясными тушами. Людей возле не было, а лошадь лежала на мостовой, бессильно откинув голову с растрепанной гривой. Дышала она тяжело, глаз ее в свете газового фонаря мерцал остро и жалобно.

Луиза подошла, присела на корточки, прикоснулась ладонью к лошадиной голове, та под ее рукой чуть заметно дрогнула.

— Что с тобой, лошадь? — спросила Луиза.

И только гут рассмотрела, что левая передняя нога лошади, неестественно согнутая под прямым углом, застряла в провале мостовой, между булыжниками.

— Тебе больно? — шепотом спросила Луиза.

И в ответ лошадь влажно сверкнула фиолетовым глазом, словно пожаловалась: да, больно.

Луиза погладила лошадиную морду, села на мостовую и, с трудом подняв голову лошади, положила себе на колени.

— Ты потерпи. Потерпи...

Она не знала, чего ждет и сколько просидела так. От промерзшей земли тянуло холодом. Тело ее окоченело. Она не заметила, что с головы свалилась шляпа.

Но вот слышались приближающиеся шаги и голоса. Это возвращался возчик, рядом с ним шагал плечистый ажан, — лишь его и смог отыскать незадачливый возница, чтобы кто-нибудь помог ему в беде. Они подошли, увидели Луизу, сидевшую на земле и державшую на коленях лошадиную голову.

— Чего вы делаете, мадемуазель? — недоуменно спросил возчик, пытаясь рассмотреть в полутьме лицо Луизы

— Я думала, ей так легче, — виновато отозвалась Луиза. — Хотела помочь...

— К сожалению, никто не может помочь моей бедной старухе, мадемуазель! — с горечью и ожесточением буркнул извозчик. Его крупное, мясистое лицо было напряженно-печальным, казалось, он вот-вот заплачет. — Ни вы, ни я ничем не можем помочь, мадемуазель! Она поломала ногу, будь прокляты парижские мостовые! Чем я буду дальше кормить семью?! Прямо хоть в петлю!

— А что же вы хотите сделать с ней? — спросила Луиза.

Возчик промолчал, а ажан сухо и сердито сказал:

— Вам на это не нужно смотреть, мадемуазель! Идите-ка вы домой!.. Единственное, что можно сделать, — это облегчить страдания несчастного животного.

— Вы... вы убьете ее?! — закричала Луиза, изо всех сил прижимая к коленям горячую лошадиную голову.

— У нее сломана нога, мадемуазель. Она даже не сможет добрести до конюшни.

— Нет! Нет! — закричала Луиза.

Но возчик и ажан взяли Луизу под руки, силой подняли и отвели в сторону.

— А ну, отправляйтесь домой, мадемуазель! — сердито приказал ажан. — Куда вам нужно?! И возьмите шляпу, если она ваша!

Луиза пыталась освободиться, но они крепко держали ее под руки, а когда довели до угла, остановились. И тут Луиза вырвалась и не пошла, а побежала, словно преследуемая чем-то ужасным. Бежала и зажимала ладонями уши, чтобы не слышать выстрела...

Утро двенадцатого января — пасмурное и холодное, низкие облака касались тускло-красных черепичных крыш, каменного леса дымовых труб, скрывали шпили и кресты соборов. Но никто из парижан в то утро не смотрел в небо, всех волновало то, что должно было произойти на земле, на улицах и площадях Парижа.

Глянув в зеркало, Луиза увидела горячечно пылавшие щеки, ввалившиеся глаза, пересохшие губы. Ну вот, Луиза, пришел и твой час! Помнишь, как однажды, в ранней юности, тебе приснился Сен-Жюст, который сказал: «Слышишь голос, зовущий тебя? Час пробил, идем!» Ты рассказала тогда сон деду, но он ничего не ответил, лишь посмотрел с грустной и вдумчивой значительностью.

Да, настало время проклятому Наполеончику расплачиваться за кровь французов, пролитую на мостовые Парижа мамелюками, пробивавшими ему дорогу к престолу великого дяди, прах которого, перевезенный с острова Святой Елены, ныне покоится в величественном красно-гранитном саркофаге во Дворце Инвалидов... Нет, в народе не зря говорят, что кровь, пролитая Баденге, доходит до брюха его лошади!

Раздвинув книги на одной из полок стенного шкафа, Луиза достала припрятанный за ними кинжал, отыскала в чулане мужскую куртку и брюки, их оставил гостивший у них брат Марианны. Иногда по вечерам, выходя из дому, Луиза надевала этот поношенный костюм и шляпу, — в мужской одежде чувствовала себя спокойнее и смелее.

Мать с беспокойством наблюдала за ней.

— Ты обязательно должна идти, Луизетта? — Она смотрела умоляющими глазами, готовая заплакать.

— Да, мама!

— А если там будут стрелять, Луизетта?!

— Тем более!.. Мы так долго ждали этого дня! Неужели ты простила бы, если бы твоя дочь в такой день трусливо, как крыса, спряталась в своей норе! Да ты первая стала бы презирать меня!

— Береги себя, Луизетта! — дрожащим голосом попросила Марианна. — Помни: кроме тебя, у меня никого нет.

— Не беспокойся обо мне, мама! Я верю, что с похорон Виктора мы вернемся уже не в ненавистную Империю Бонапартов, а в республику! — Ей хотелось добавить: «Или не вернемся совсем!», но, глядя в полные слез глаза матери, не решилась произнести беспощадные слова.

Луиза знала, что тело Виктора Нуара увезли в Нейи, на улицу Марше, где он жил. И именно туда сейчас устремлялся рабочий и студенческий Париж, толпами шли пешие, заворачивали с обычных маршрутов омнибусы. Полиция пока ничего не предпринимала. Да, пожалуй, и рискованно было вмешиваться: глаза людей пылали, громко звучали слова проклятий и ненависти. Негодование вызвал слух о том, что принц-убийца вовсе не содержится в тюремной камере Консьержери, а является почетным гостем начальника тюрьмы, обедает и ужинает за его семейным столом.

— Все они — одна шайка! — ворчал седоусый рабочий, потрясая прокуренной трубкой.

У вокзала Сен-Лазар этот рабочий помог Луизе втиснуться в омнибус, едущий по бульвару Османа к площади Этуаль и далее — от Триумфальной арки в Нейи. В омнибусе никто не сдерживался в выражениях. Многие, как и Луиза, были вооружены. Один студент-архитектор заткнул за пояс большой стальной циркуль, иного оружия у него не нашлось.

— И этим можно убивать тиранов! — сказал он Луизе с застенчивой усмешкой. — Ведь иногда ненавистное горло рвут просто голыми руками. Не правда ли?

И Луиза засмеялась в ответ.

Она не запомнила номер дома в переулке Массена, по улице Марше, где ждало похорон тело Виктора. Да и не было необходимости запоминать: многотысячная толпа заполняла все улицы, ведущие к дому Нуаров. На каждом рукаве, на каждой шляпе темнела траурная креповая повязка или пламенел красный лоскут.

Луиза медленно пробиралась сквозь толпу.

— Пропустите! Пропустите! Он родной мне! — повторяла она.

И ее пропускали, проталкивали вперед. Через полчаса она оказалась в комнате, где помещался гроб. Он стоял у дальней стены, на стульях, у изголовья — две женщины в черном, старая и молодая. За ними белела простыня, закрывавшая зеркало.

Там же, в изголовье гроба, увидела она брата Виктора и Теофиля Ферре, Шарля Делеклюза, Анри Рошфора и Жюля Валлеса,

Притиснутая к стене, поднявшись на цыпочки, через плечи стоявших впереди, увидела неподвижно-белое лицо, окруженное красными гвоздиками, сложенные на груди руки, наискось переброшенные через гроб черные и красные ленты.

С трудом отвела глаза и столкнулась с немигающим взглядом Теофиля. Сердце ее дрогнуло. Рядом с Теофилем Шарль Делеклюз задумчиво теребил худыми пальцами седую бородку. Возможно, если бы не эта нелепая смерть, Виктор Нуар прожил бы жизнь так же, как прожил ее Шарль Делеклюз! Рискованнейшая работа в тайных обществах «Молодая гора» и «Марианна», аресты, жестокие допросы, тюрьмы, ссылки... Луизу подкупало в Делеклюзе то, что во имя служения революции он отказался от личной, семейной жизни. «Стальной брус» — так прозвали его друзья.

С трудом переводя дыхание, она смотрела то на мраморное лицо мертвого, то на сурово-печальные лица живых — Теофиля, Валлеса, Делеклюза.

И еще один человек привлек внимание Луизы. В самом темном углу комнаты она увидела тонкий нервный профиль, обжигающие глаза проповедника, властный рот. Чувствовалась в этом человеке необычная и страстная сила, и в то же время сквозь внешнюю суровость проглядывала доброта.

Луиза спросила у стоящего рядом, показывая глазами:

— Это кто?

Тот проследил за ее взглядом, и губы его чуть приметно дрогнули, будто он испугался.

— Тш-ш! — ответил едва слышно.

Через полчаса, на улице, когда они медленно шагали за катафалком, Теофиль на вопрос Луизы сказал, что это — Огюст Бланки, приговоренный к смертной казни за организацию восстания против Луи Филиппа в тридцать девятом году, просидевший десятки лет в

крепости Мон-Сен-Мишель, недавно бежавший из тюрьмы на Корсике. Бланки не имеет права появляться во Франции, если его опознают — снова тюрьма! Он «вечный инсургент», «вечный узник!».

Но это было чуть позже, а пока в дом набивалось все больше людей, Луизу оттесняли вглубь. Теперь, через окно, за пылавшими на подоконнике геранями она видела множество обнаженных мужских и покрытых чепцами и шляпками женских голов.

Возвышаясь над толпой, сквозь скорбное человеческое море медленно пробирался к дому погребальный катафалк, запряженный темными, в траурных попонах, лошадьми, высокие белые султаны мерно покачивались над их головами. Служитель в черном сюртуке и блестящем цилиндре что-то говорил, разводя в стороны руки.

Рядом со служителем на облучке стоял высокий и стройный человек тоже во всем черном, — лицо Луизе знакомо. Когда катафалк приблизился, она узнала: Гюстав Флуранс! Она с восхищением слушала его дерзкие атеистические лекции по естественной истории в Коллеж-де-Франс.

В комнате становилось теснее, Луиза вскоре оказалась у изголовья гроба, рядом с братом убитого. Она слышала, как Луи Нуар шепнул Делеклюзу:

— Но как же вынесем? Невозможно!

— Поднимем вверх! — кратко отозвался Делеклюз.

— Тогда пора. Катафалк у подъезда, — сказал Жюль Валлес.

И вот десятки рук подняли гроб, обитый красным и черным шелком, и он словно поплыл над головами к двери, передаваемый с рук на руки. Следом за гробом двинулись люди, минут через десять Луиза с Теофилом были на крыльце. Черно-красный гроб с серебряными кистями покачивался над толпой.

— Идем! — приказал Теофиль Луизе, проталкиваясь сквозь толпу к катафалку. — Не отставайте!

— А где хоронить? — спросила она.

Теофиль не ответил.

Да, это еще предстояло решать! Одни, возглавляемые неистовым Флурансом, требовали нести останки Виктора через весь Париж — на улицу Абукир, к редакции «Марсельезы», и оттуда, после гражданской панихиды, — на кладбище Пер-Лашез.

— Да, через весь Париж! — сверкал синими глазами Флуранс. — Мы не должны отступать! Мы встали на дорогу восстания, на порог революции! Нам ли, братья, бояться крови?!

Спокойный, седой Делеклюз возражал Флурансу, а похоронная процессия с печальной неторопливостью приближалась к главной авеню Нейи, ведущей к центру Парижа.

— Я ничего не предвижу, Гюстав, кроме тысяч и тысяч напрасных жертв! — убежденно качал головой Делеклюз. — Бесспорно, мы должны отомстить за Виктора. И отомстим! Но не сегодня! Поймите, Флуранс, Империи сейчас нужен лишь повод для избиения. Нас ждут засады, каким бы путем мы ни пошли. Генералы Баденге готовы на любую провокацию, только бы перебить побольше республиканцев!

И все же те, кто хотел нести тело Виктора по Парижу, попытались повернуть катафалк к Елисейским полям. И когда служитель похоронного бюро отказался подчиниться, они перерезали постромки и сами впряглись в траурные дроги.

Делеклюз бросился к Луи Нуару:

— Луи! Только вы можете предотвратить бойню! Вы брат! Вас послушают! Остановите, пока не поздно!

Секунду помедлив, Луи Нуар вышел и встал перед катафалком, преграждая путь.

— Я не желаю для брата кровавых похорон! Погребем его на кладбище Нейи!

О, как Луиза была не согласна с ними, с Луи Нуаром и Делеклюзом, как ей не терпелось сразиться с коронованной сволочью и ее приспешниками. Но шедший рядом Теофиль стиснул ей руку, и она подчинилась.

Кладбище Нейи...

Луиза не слушала, что говорили над гробом, так ей было тяжело. От тревог, от бессонной ночи она очень ослабела, и когда могилу зарыли и покрыли горой венков, Луиза не в силах была идти. Теофиль нанял фиакр: к концу похорон они во множестве поджидали у кладбища.

Словно сквозь сон Луиза видела, что в стоявший впереди экипаж сели Анри Рошфор и Паскаль Груссе. Но большинство участников похоронной процессии возвращалось в Париж пешком. Шли плотной толпой, растянувшейся на километры. Экипажи и кареты, подчиняясь ее движению, следовали вместе с нею.

У Триумфальной арки, на площади Этуаль, возвращавшихся ожидал десяток эскадронов имперской гвардии и, когда экипажи Рошфора и Ферре выехали на площадь, у строя кавалерии раздалась трескучая барабанная дробь. Картинно гарцуя на выхоленном жеребце, к арке подскакал полицейский комиссар.

— Пра-а-а-зо-ой-ди-ис-сь! — прокричал он.

Странно, что полицейский комиссар собирался командовать армейскими частями, но Луиза поняла, что и полицейские подразделения стоят где-то поблизости и команда будет отдана

и тем и другим сразу.

Приподнявшись в коляске, она видела, что из переднего фиакра выскочил Рошфор и, подняв руку, шагнул навстречу полицейскому комиссару.

— Сударь! — громко крикнул Рошфор. — Мы возвращаемся с похорон нашего друга. У нас мирные намерения!

— Разойдитесь немедленно! — с угрозой повторил комиссар. — Иначе... изрубят саблями!

Оглянувшись, он властно махнул рукой, и в стороне приготовившихся к атаке эскадронов снова раздалась напряженная дробь барабанов. Только тут Луиза увидела в глубине выходивших на площадь улиц синевато-сизые полицейские мундиры.

— Но я депутат Законодательного корпуса! — продолжал Рошфор. — Извольте меня пропустить!

— Вы первый будете изрублены! — багровея, рявкнул комиссар. — Прочь с площади! Про-о-очь! Слышите, вы?!

И лишь теперь Луиза убедилась, как правы были Делеклюз и Луи Нуар: в Париже все готово к массовому избиению и нет сомнения, что первыми жертвами станут наиболее ненавистные империи республиканцы.

Много позже Луиза прочитает строчки из письма Энгельса Марксу:

«Истинное счастье, что, вопреки Г. Флурапсу, на похоронах Нуара не началась заварушка. Бешенство «Раус»6 свидетельствует о жестоком разочаровании бонапартистов. Ведь лучшего и желать нечего, как захватить все революционные парижские массы вне Парижа, именно вне крепостных стен, имеющих лишь два-три прохода, в открытом поле на месте преступления».

Толпа, хоронившая Виктора Нуара, рассеялась. Вернувшись домой, Луиза с трудом удерживала слезы бессилия и разочарования. Она считала, что благоприятный момент для свержения Баденге безвозвратно упущен!

Марианна, как могла и умела, утешала дочь:

— Ну что сделаешь, Луизетта?! У них сила.

— Ах, мама, мама! Неужели тебе не осточертело всю жизнь чувствовать над собой эту злую, неправую силу?!

— А что делать, Луизетта?

— Бороться!

Закрывшись в своей комнате, она поцеловала лезвие кинжала и поклялась жизнью, — если окажется возможно, она пронзит этим лезвием жирную, оплывшую тушу последнего Бонапарта...

— Все познается в сравнении, — с горечью повторяла Луиза, сидя в опустевшей комнате Пулен. — Никогда не думала, что так больно будет расставаться с Нинель, хотя и понимала, что тягостный час вот-вот настанет.

Да, Нинель Пулен не суждено больше вернуться в эту комнату. Как много умирает во Франции девушек и женщин, не доживших даже до тридцати, так и не получивших от судьбы своей доли счастья!

При мысли о смерти встало перед глазами мертвое лицо Виктора Нуара, алебастрово-белое, с потемневшими Веками, неподвижная рука с красной гвоздикой. Только после смерти Виктора Луиза узнала, что подлинная фамилия Нуаров — Сальмон, а его настоящее имя — Иван. Да, да, не французское Жан, а русское Иван! Что связывало убитого с далекой и загадочной Россией?

Взяла со стола раскрытую книгу — роман Андре Лео «Скандальный брак» с дарственной надписью ей, Луизе. Бедная Нинель любила эту книгу, осуждающую бесправие женщины, воющую против предрассудков и мракобесия.

И вдруг Луизу как бы опахнуло холодом: она только что подумала о Пулен, словно о мертвой — «любила»! Но ведь она жива, еще жива! Нужно почаще навещать ее в больнице, чтобы ей не было так одиноко, чтобы чувствовала, что есть люди, которым она дорога!

Взяла со стола второй роман Андре Лео — «Развод», такой же горький и гневный, над страницами которого поплакала и еще поплачет не одна обиженная, оскорбленная женщина... Кстати, Андре тоже подписывает свои произведения не подлинным именем Леони Бера, а вымышленным. Правда, здесь есть логика: ее сыновей зовут Лео и Андре, отсюда и псевдоним. Но откуда: Иван-Виктор?

Под окном вспыхнул синеватый свет, — прошел с лестницей на плече фонарщик, зажигая уличные огни.

Луиза спохватилась: сегодня в столовой у Сен-Дени она должна встретиться с Аней Жаклар и Андре Лео. Непростительно опоздать!

Поправила одеяло на постели Нинель, прикрыла жалюзи. В своей комнатке оделась потеплее: за окнами сорился редкий медленный снег.

Из кухни выглянула Марианна.

— И сегодня уходишь, Луизетта?

— Да, мама.

— Господи, как мне тоскливо одной! Теперь, без Нинель, я и вовсе умру с тоски. В доме только кошки и Финеттка, добрые, но бессловесные твари... А ты...

— Перестань, пожалуйста, мама! Сама знаешь, у меня дела.

Поцеловала мать в щеку, приласкала Финеттку, сбежала, стуча каблуками, по лестнице.

Таял под ботинками влажный снег, фонари в ореоле падающих снежинок походили на огромные пушистые одуванчики.

Как ни торопилась, все же опоздала: в «Котле» у Сен-Дени уже ждали. Андре Лео писала, склонившись над столиком, а Аня Жаклар разговаривала с Натали Лемель. У Жаклар — встревоженное лицо, горькая складочка перечеркнула лоб.

Потирая озябшие руки, Луиза присела к столу. Накали и Аня поздоровались, а Лео, не переставая писать, лишь улыбнулась, как всегда, мягко и добро.

— Прости, Луиза. Сейчас кончу...

Вполголоса, чтобы не мешать Лео, Луиза спросила Аню, что случилось, на ней же лица нет! И Аня шепотом рассказала, что ночью в их квартиру в Пюто ворвались жандармы и все перевернули вверх дном, искали оружие и бомбы — доказательства причастности к заговору.

— Но, к счастью, Луиза, мы с Шарлем поджидали их — квартира абсолютно чиста. Убрались они не солоно хлебавши, им не удалось ничего ни найти, ни подбросить. Но ведь это, вероятно, только начало.

В глазах Ани не гас огонек тревоги, Луиза прекрасно понимала ее!

Зал «Котла» наполнялся. Прямо с работы, в засаленных блузах и пальто вваливались в столовую те, кому не терпелось услышать новости. У оцинкованной стойки тесно толпились мужчины, дымя трубками и дешевыми сигарами. Газовые рожки бессильно светились сквозь дым.

— Так вот, сударыни, — торжественно провозгласила Лео, складывая исписанные листочки. — Вы, вероятно, знаете, что на конгрессе Интернационала приняли прудонистскую резолюцию: «Место женщины — в семье; ее задача — воспитывать детей». Но думается, хватит нам плясать под прудонистскую музыку! Не настало ли время создать «Общество борьбы за права женщин»? Не пора ли приступить к изданию газеты «Право женщин»? А? Кто из вас согласен работать в обществе и газете?!

— Вы молодец, Леони! — сказала Луиза, стискивая лежавшую на столе руку Лео.

— Замечательно! — поддержала Лемель с покрасневшими щеками. — Своя газета! — И вдруг будто споткнулась о несказанное слово. — Но... дорогие... На газету нужна куча денег! Внести залог, нанять типографию, купить бумагу, платить наборщикам, печатникам!

Аня Жаклар впервые за вечер оживилась:

— А разве я не наборщица? Для такого дела я найду женщин, которые будут работать, не требуя ни одного су!

Лео снисходительно улынулась.

— Не беспокойтесь, Аннет! Вчера я запрдала издателью Дюбиссону мой новый роман «Идеал в деревне». Так что пять тысяч франков для начала у нас есть!

Женщины рассуждали о будущей газете, а зал вокруг гудел грубыми мужскими голосами, и все гуще слоился над головами табачный дым.

Разговаривая, Луиза изредка поглядывала в сторону входа, ждала Теофиля. Тревога Ани передалась ей: если обыск был у Жакларов, он, наверно, произведен и у Ферре.

В дальнем углу зала Луиза заметила живописную группу. Вельветовые и бархатные куртка, яркие шарфы и шейные платки, волосы, ниспадающие на плечи, — все обличало художников. В компании выделялся толстяк с мясистым, крестьянским лицом и пристальными глазами. Пальто распахнуто, красный шарф переброшен на спину, во рту — массивная дымящаяся трубка. Знаменитый Курбе! А рядом с ним знакомое лицо. Луиза не сразу узнала, кто это. Ба! Да это же Камилл, брат Терезы! Он изменился, отрастил темные пушистые усы и бакенбарды и, пожалуй, постарел. Надо обязательно подойти!

Но тут в дверях «Котла» появились Ферре и Риго. Здороваясь на ходу, они пробирались между столиками, покрасневшие, возбужденные. Каштановая борода Риго и черная борода Теофиля серебрились инеем. За их плечами алело морозным румянцем лицо Мари.

— О-ля-ля! — пропела она издали. — Вот вы где, Луиза! А я забегала за вами на Удо!

Швырнув на подоконник шляпу, Рауль отправился к стойке за бутылкой вина, а Теофиль сел рядом с Луизой. К их столику со всех сторон потянулись любопытные, жадные до новостей.

Дымя сигарой, отгоняя ладонью дым, Теофиль рассказывал:

— Сегодня подписаны ордера на арест Рошфора, Паскаля Груссе и жерана «Марсельезы» Дерера. Мы ждали, что Рошфора схватят, когда он выйдет из Бурбонского дворца, — у него хватило дерзости явиться на заседание Законодательного корпуса. Но там его не тронули, уж слишком много у дворца народу. Час назад его видели в ресторане Бребана, ужинает там со старушкой Жорж Санд. Но вечером у него встреча с избирателями на улице Фландр, в Ла-Виллет. И вот там-то его, должно быть, и возьмут.

Крики негодования заглушили Ферре:

— Нельзя отдавать Рошфора!

— На Фландр! В Ла-Виллет!

— Когда там начало, Ферре?

Теофиль достал из жилетного кармана часы.

— В половине девятого! У нас сорок минут! Договорившись с Лео о завтрашней встрече, Луиза направилась к столику Камилла, было бы непростительно снова потерять его.

— Камилл! Камилл! — звала она, помахивая перчатками.

В поднявшейся суматохе художник не сразу разглядел, кто его окликает. Наконец увидел, узнал, пошел навстречу.

— О, Луиза! Я так рад видеть вас! Тереза писала, что вы в Париже, но где же вас отыскать!

Луизе была приятна радость молодого художника, хотелось поговорить, по Теофиль и Мари звали ее, а отставать от них ей сейчас не хотелось.

— Где вас найти, Камилл? — спросила она.

— Улица Отфейль. Мастерская мэтра Курбе! — Он кивнул на бородатого толстяка, укутывавшего горло красным шарфом.

— Улица Отфейль? — удивилась Луиза. — Да я же бываю там каждый вечер! Я найду вас, Камилл!

— Жду, Луиза!

Она догнала Теофиля и Мари уже у дверей. Торопливо шагая, они из путаницы переулков выбрались к каналу Святого Мартина и с набережной Вальми, мимо бассейна Ла-Виллет, вышли на улиту Фландр. Здесь было полно полицейских и мобилей.

— Обратите внимание, какими бандами разгуливают ажаны, — заметил Ферре.

Зал, арендованный Рошфором для собрания, угадывался издалека по сверкавшим окнам, по кишевшей у входа толпе.

— Сможем ли пробраться, Мари? — с сомнением заметила Луиза. — Такая давка!

— О-ля-ля! — беспечно отмахнулась Мари. — У нас могучие кони — Теофиль и Рауль! Вывезут куда угодно!

В переполненный зал им удалось протолкаться с трудом. Люди были взволнованы, возмущены: многие знали и об аресте Рошфора в Фени, и о вновь угрожающей ему тюрьме. Сновали по залу вездесущие журналисты — мелькнул аристократический профиль Гастона Дакосты, вот волнистая шевелюра Марото, остро блеснул искусственный глаз Гамбетты.

Луизе вспомнилась дерзкая речь Гамбетты на «Боденовском процессе», где судили тех, кто собирал деньги на памятник Бодену. Защищал их Леон Гамбетта и, по выражению газет, «вывалял Луи Наполеона в грязи». Эта речь принесла ему необыкновенную популярность и обеспечила победу на выборах сразу в Париже и Марселе. Он предпочел стать депутатом от Марселя, поэтому-то Рошфор и получил возможность баллотироваться на дополнительных выборах по первому округу Парижа.

На эстраде за маленьким столиком восседали полицейский комиссар, при револьвере и сабле, и два безликих писца из префектуры. А за большим столом разговаривали о чем-то друзья и «секунданты» Рошфора — седой Делеклюз, синеглазый Флуранс, Мильер и Дебомон.

Зал гудел встревоженно, позолоченные стрелки часов над парадной дверью показывали почти девять, а Рошфора все не было. И как раз в тот момент, когда прозвучал последний удар часов, у двери закричали:

— Пропустите! Пропустите!

Привстав на цыпочки, Луиза увидела размахивавшую шляпой руку. Кто-то у двери вскарабкался на подоконник и, выпрямившись, прокричал:

— Сейчас... на улице... арестован Рошфор!

После секундной тишины зал взорвался тысячами голосов:

— Позор!

— Долой Империю!

— Долой Бонапарта!

Полицейский комиссар вскочил, постучал по столу эфесом сабли. Что-то сказал, подойдя к краю эстрады, Флуранс. Пламя газовых рожков металось из стороны в сторону.

— Как?! — пробился сквозь шум голос Флуранса.

Человек на подоконнике поднял над головой руки, стало тише.

— Он не смог подъехать в карете! Толпа, давка. Он вышел. И тут его обступили, затолкали во двор и заперли калитку. Когда мы ее взломали, за ней никого! Двор проходной. Его увезли!..

И снова ревом и криком ответил зал. Луиза тоже кричала, не помня себя.

Полицейский комиссар продолжал грохать эфесом сабли по столу. Но вот Флуранс шагнул на край эстрады и поднял руку. И как ни странно, в зале наступила тишина.

— И так, — прозвучал в тишине напряженный и ясный голос Флуранса. — Избирательного права во Франции, неприкосновенности депутата больше не существует! Все законы попорнаны! — Он повернулся к полицейскому комиссару, положил ему на плечо руку. — Провозглашаю революцию! Вы арестованы, комиссар! Сдайте оружие!

Побледнев, доставая из кобуры револьвер, комиссар, запинаясь, сказал Флурансу:

— Сударь, у меня семья!

Стоявшие ближе расслышали этот шепот.

— А у Бодена не было семьи?!

— А у тех, кого вы убили в Рикамари и Обене? А у тех, кто в Мазасе и Сент-Пелажи?! У них нет семей?!

Держа в вытянутой руке револьвер, Флуранс приказал комиссару:

— Идите впереди и ведите себя спокойно, или я вас убью! Дайте знак своим молодчикам: никакого сопротивления!

Вслед за Флурансом все ринулись к выходам.

Заполнявшая улицу толпа бушевала. Бородатый студент, взобравшись на решетку, требовал штурмовать Сент-Пелажи и Мазас; рабочий в замасленной блузе призывал возводить баррикады, кто-то звал к Ратуше, чтобы водрузить над ней флаг республики.

— В полицейскую префектуру! Там заседают Оливье и Вальдром, эти жирные свиньи что-то замышляют! Оружейная фабрика Лефоше на Лафайет захвачена нами. Добыли пятьсот револьверов! Вооружайтесь!

Рассыпая искры, горели над толпой самодельные смоляные факелы. Красный шарф, привязанный к трости, развевался как знамя.

Схватившись за фонарный столб, Луиза вскарабкалась на его цоколь. Жадно всматривалась в мелькавшие кругом лица, в раскрытые, кричащие рты. Искала своих. К счастью, Ферре оказался совсем недалеко.

— Тео! Тео! — закричала она.

Ферре повернулся и увидел ее под фонарем; помахав шляпой, стал пробиваться к ней.

— Куда, Тео? — спросила Луиза, схватив его за руку.

Он с раздражением пожал плечами.

— Боюсь — никуда! Боюсь, Делеклюз и сегодня прав: ничего, кроме бесполезных жертв! К бою мы не готовы. Нет единого плана... — Он помотал головой, словно отгоняя боль. — А они, видишь, как изготoвились!

Ферре даже не заметил, что обратился к Луизе на «ты», а она вспыхнула, словно получила неожиданный подарок.

— Пойдем все же, посмотрим! — Теофиль стал проталкиваться сквозь толпу.

Все кричали, шумели, размахивали шапками и шляпами. Краснорожий детина звал штурмовать Тюильри!

— Провокатор! — буркнул Ферре. — Посмотрите, Луиза, до чего подозрительно чистая блуза. Наверняка напялена поверх полицейского мундира. Такие же типы окружили редакцию «Марсельезы», там арестованы все сотрудники, включая швейцара. Остались только Паскаль Груссе и Габенек... Эх, если бы сюда Бланки!

— Ну так где же он? — возмутилась Луиза. — Ведь был же он на похоронах Нуара! Если...

— Тише вы! — в сердцах оборвал Ферре. — Пока не настал час решительной схватки...

— А он не настал?!

— А разве не видите! Безоружные толпы, разброд. Ничто не подготовлено! Ничего не будет, кроме крови, крови, крови!

Последние слова Теофиль почти выкрикнул, и Луиза поняла, как горько ему собственное бессилие.

Они спустились на бульвар Ла-Виллет, оттуда свернули на улицу Кустарника святого Людовика, вышли к предместью Тамплъ. Повсюду, словно ожидая приказа, толпились люди. На улице Тамплъ человек двадцать, опрокинув омнибус, возводили баррикаду, но сотни безучастно топтались на тротуарах. На улице Шопинетт тревожно звучала барабанная дробь и мелькали силуэты солдат и мобилей.

Луиза готова была кричать и плакать, ей хотелось вскарабкаться повыше и заорать на толпу: «Трусы! Чего ждете?! Вспомните, как ваши деда штурмовали Бастилию, как разворотили и разбросали ее окровавленные камни!»

Через площадь Республики, по Большим бульварам они вышли к воротам Сен-Мартен. Везде было полно людей и полиции, но до вооруженных схваток не доходило. Увидев свободную карету, Теофиль остановил ее и, усадив Луизу и Мари, скомандовал извозчику:

— На левый берег! — повернувшись к спутницам, пояснил: — Поедем в «Чердак», на Монпарнас, поужинаем. Я с утра ничего не ел... — Привстав, обвел взглядом улицу. — Нет, еще не прозвонил погребальный колокол Бонапарта!

В «Чердаке», как и обычно по ночам, было шумно и людно. Вместо вывески у входа прибито к стене колесо сельской фуры, обстановка стилизована под харчевню.

На второй этаж вела крутая некрашенная лестница, будто на деревенский сеновал; там, посреди низенького зала, между столиками стояли две старинные кареты с вздернутыми вверх оглоблями, в каждой карете — столик на четыре персоны.

Луиза никогда не бывала в «Чердаке» и с любопытством оглядывалась. По стенам висели сбруя и хомуты, деревянные грабли и косы, невидимая сетка поддерживала под потолком клоки соломы и сена. Прямо против кареты, которая, на их счастье, только что освободилась, висел «портрет» упитанной буренки с мудрыми, меланхолическими глазами. На низеньких бочках посреди «Чердака» восседали музыканты в цветных жилетах и шляпах с перышками.

Одетая по-крестьянски, щедро нарумяненная служанка принесла деревянные кружки с брагой и жареное мясо с картофелем, салат. Друзья принялись за ужин, еда оказалась вкусной, а брага хмельной, и вскоре они немного оправились от тягостного чувства — не то потери, не то поражения.

— Не унывайте, девочки, — сказал, повеселев, Ферре, — Час близок!

Как и повсюду, в «Чердаке» у Ферре нашлось немало приятелей, подходили пожать руку, переброситься словом. Да, все сотрудники «Марсельезы» арестованы, отправлены в Сент-Пелажи и Мазас, завтра газета не выйдет.

Луиза слушала рассеянno, сердито думала, что слишком все благоразумны и осторожны. Для победы восстания нужны безрассудство и дерзость. И в то же время она не могла не согласиться с Тео и Делеклюзом; напрасно пролитая дорогая кровь лишь укрепит силы монархии.

Они кончали ужин, когда Луиза увидела Клемана Карагеля, сотрудника «Шаривари» и «Националь». Еще поднимаясь по лестнице, он высматривал кого-то в полутьме «Чердака». Но вот увидел Ферре и, петляя между столиками, направился к карете. И с ходу, не здороваясь, крикнул:

— Час назад на улице схвачены Риго и Дакоста! Запихнули в тюремный фургон и увезли!

Луиза глянула в лицо Мари, оно побелело, как лист бумаги. А Теофиль сидел молча, барабанил худыми пальцами по столу, лишь подвинулся на сиденье кареты, чтобы дать место Карагелю. Тот сел и жадно отпил несколько глотков из кружки Ферре.

— Следовало ожидать, — устало произнес Теофиль, — Боюсь, Клеман, это только начало.

Тяжелое предчувствие сдавило сердце Луизы, ее охватила тревога за Теофиля, — он так тяжело перенес прошлогоднюю тюрьму, выглядел таким больным!

И предчувствие ее не обмануло. Когда спустя полчаса они вышли из «Чердака», откуда-то сбоку, будто из-под земли возникли темные фигуры. Одновременно к подъезду подкатил фаэтон с двумя полицейскими на облучке.

Раздался голос:

— Мосье Ферре! Вы арестованы. Прошу! — И рука в черной перчатке протянулась к дверце кареты. — Сопротивление бесполезно, сударь!

Да, бесполезно! Кругом стояли дюжие молодцы, синий свет газовых фонарей придавал их лицам мертвенность. Луиза схватила Теофиля за руку.

— Вы не смеете! — крикнула, хотя и сама понимала бессмысленность протеста.

— Мы действуем на основании закона, мадемуазель Мишель, — сказал тот, что держал Теофиля за плечо, — У меня в кармане ордер на арест мосье Ферре. Прошу не мешать исполнению служебных обязанностей! Уйдите в сторону, мадемуазель!

— Тогда арестуйте и меня! — запальчиво потребовала Луиза.

В неярком свете все же было видно, как язвительно усмехнулся жандарм.

— Ваш час не настал, мадемуазель! Но уверяю вас, скоро настанет, если вы сохраните прежний круг знакомств и дел. — Он повернулся к окружающим их теням с мертвенными лицами и приказал: — Убрать!

Схватив Луизу и Мари, жандармы оттащили их в сторону, а другие, толкая Теофиля в спину, втиснули его внутрь тюремной кареты. Туда же шагнул офицер, руководивший арестом.

— Адье, мадемуазель! До скорой встречи!

Лошади рванули, карета скрылась.

Когда Луиза и Мари пришли в себя, улица была безлюдна, только они вдвоем стояли под медленно падающим февральским снегом. А позади них, в уютном и теплом чреве «Чердака», пели дудки и свирели, пиликала скрипка и мужской голос нежно выговаривал слова старинной крестьянской песни:

“ Я люблю мою Жанну, Хохотушку мою...”

Школа, посещения Пулен в больнице, передачи в Сент-Пелажи, вечерние курсы, — нет! — пожалуй, она даже радовалась своей занятости, это мешало отчаянию навалиться на нее.

Прежде всего беспокоила участь Теофиля. Риго собирались судить за издание брошюры «Великий заговор, мелодрама плебисцита», за нее могли дать три-четыре месяца тюрьмы. А

что ждет Теофиля?

— У них маловато козырей, Луиза! — крикнул Ферре ей на одном из свиданий. — К тому же играют краплеными картами!

Луиза не поняла, что значат эти слова, но с радостью почувствовала, что Теофиль не теряет бодрости.

В эти дни она еще больше сблизилась с Мари. По вечерам вместе отправлялись в один из варленовских «котлов» или в кафе Латинского квартала в надежде встретить друзей Ферре и Риго. Но вся редакция «Марсельезы» была упрятана за решетку, Варлена и других членов Парижского бюро Интернационала, опубликовавших в «Пробуждении» Делеклюза клеймившее правительство заявление, тоже посадили в тюрьму. Гюстав Флуранс не показывался: либо скрывался от ареста, либо бежал за границу.

— Знаешь, Мари, — жаловалась Луиза. — Париж мне кажется вымершим. Словно попали на необитаемую землю.

— О-ля-ля! — утешала ее Мари. — Подожди. Будет и на нашей улице праздник!

В один из таких тягостных дней Луиза и вспомнила про Камилла.

— А не навестить ли нам его, Мари? — предложила она, — Кстати, может, удастся посмотреть, над чем работает Курбе! Помнишь его «Дробильщик камня», «Похороны в Орнане», «Девушек на берегу Сены»?

— Ну как же! Уже тогда стало ясно, что он наш!

— Ну и пошли! Говорят, когда Курбе выставил «Купальщиц», Баденге, осматривая выставку, стегнул картину хлыстом!

— А чего от ханжи ожидать? Играет в благородство, а сам только и знает, что охотиться за девочками.

Луизу удивляло, что, проходя по улице Отфейль, почти ежедневно, она не замечала ни вывески, ни выставленных в окнах картин, что было так характерно для ателье художников. Мастерская Курбе помещалась в глубине двора, в старой часовне Премонтре на углу улиц Отфейль и Эколь-де-Медсин. Эту каменную башню художник облюбовал для себя более четверти века назад.

Девушки явились туда под вечер, — день был морозный, но ясный, как бы предчувствие и предвкушение весны.

Дверь мастерской распахнута, из нее клубами валил табачный дым. Смутно различались люди, полотна, прислоненные к стене, мольберты, стол, уставленный бутылками и кружками. В камине плясали языки огня.

Луиза и Мари остановились на пороге этого капища богемы, и в тот же момент их окликнул сзади обрадованный голос Камилла:

— Мадемуазель Луиза!

Они обернулись. Руки художника были заняты бутылками «Глории» — дешевого вина художников и рабочих.

— Проходите же, проходите!

Мастерская с высоким сводчатым потолком, с широкими, синими от вечернего света окнами была полна. Художнические пелерины и блузы, разноцветные береты и шляпы, яркие шарфы. Богема!

Поставив на пол бутылки, Камилл, улыбаясь, взял девушек за руки.

— Да смелее же! — сказал он. — Мэтр будет рад! Он знает Ферре и Риго! Его мастерская — приют инсургентов!

Гюстав Курбе, краснощекий толстяк с пристальными глазами, с неизменной трубкой во рту, восседал в кресле. Рядом с ним на стульях, на ящиках и скамеечках для натурщиц — художники и журналисты. Взлохмаченные волосы, горящие глаза, стремительные жесты.

Камилл подвел Луизу и Мари к Курбе.

— Мэтр! Смею заверить: эти поклонницы вашего таланта не внесут диссонанса в нашу дружную семью!

С неожиданной для его тучности легкостью Курбе поднялся, Луизе казалось, что его темные глаза пронизывают ее насквозь, Трубка художника дымила, словно фабричная труба. Луизу поразила огромная мужицкая рука, державшая трубку, настоящая медвежья лапа! Неужели эта рука создала «Венеру, преследующую ревностью Психею», великолепное полотно, не допущенное на выставку «во имя уважения нравов Парижа»?

Курбе вскинул трубку и громогласно изрек:

— О, море! Твой голос могуч, но и ему не заглушить славы, вещающей миру мое имя! Не так ли, сударыни?! — Невозможно было понять, иронизирует он или говорит серьезно. Пристальные глаза смотрели по-крестьянски пыливо и хитро. Прищурившись, благодушно посмеиваясь, Курбе продолжал, чуть наклонив лобастую голову: — Если вам интересно, миледи, я рассказываю друзьям о прошлогодней международной выставке в Мюнхене. Это не может быть не интересно. Садитесь же! — Луиза и Мари уселись на скамью, подвинутую им Камиллом. — Я повез туда свои замечательные полотна: «Дробильщиков», «Женщину с попугаем», «Охоту на оленя»! Итак, я прибыл. Мюнхен — хороший город! У местных женщин настоящие груди! Все они толстые, аппетитные и белокурые. Пивные повсюду. Табак дешев. К сожалению, много художников! — Не глядя, Курбе взял со стола высокую глиняную кружку и сделал несколько глотков. — Меня, само собой, встречали восторженные толпы!

Иначе не могло быть! Первый вопрос, который мне задали: «А картины ваши с вами?» Я ответил: «Со мной моя жажда. Пойдемте-ка выпьем!..» О, мы здорово нахлестались! Наутро я был разбужен в гостинице тысячеголосым шумом. Собравшаяся под окнами толпа вопила на все лады: «Да здравствует Курбе! Да здравствует величайший из собутыльников!»

И слова Луиза не могла понять, умная ли это ирония или самонадеянность и самовлюбленность! О, он не прост, этот человечество с медвежьими ухватками и пронзительными глазами!

А Курбе, потрясая пустой кружкой, отыскивал кого-то среди собравшихся.

— Камилл! Ты был у папаши Лавера? Надеюсь, он поверил великому Курбе в долг несколько пинт дрянного вина?!

Камилл поставил перед художником полную бутылку.

— То-то же! — торжествующе захохотал Курбе. — Иначе ему нашлось бы какое-нибудь грязное место на моем очередном великолепном полотне. Я осрамил бы жадину на всю Францию! Камилл, кружки для дам! Они не дерзнут не выпить с Жаном Дезире Гюставом Курбе! Мои гости обязаны пить, сударыни, когда пью я! Ха-ха-ха-ха!

Этот толстый, волосатый Гаргантюа хохотал так, что пламя газовых рожков плясало в дымном чаду.

Камилл принес кружки, палил вина. И хотя Луизе совсем не хотелось пить, она не посмела отказаться. Курбе выпил и сам, довольно крякнул и уставился взглядом в Мари.

— Вы сестра Теофиля Ферре! — безапелляционно заявил он, — Похожи. Он в Сент-Пелажи?

— Да, мосье Курбе!

— Без всяких мосье! Мэтр Курбе или мэтр Гюстав, как угодно! По не мосье! Во Франции и без Гюстава Курбе отвратительно много мосье, словно дерьма в помойке! Я сыт по горло... Значит, Сент-Пелажи? Я навещу его, мадемуазель...

— Мари.

— Мадемуазель Мари! Я навещал там моего друга Жюль Валлеса! Я сотрудничал в его великолепной «Улице», которая не стеснялась бить морды холоуям Империи и самому Баденге! — И вдруг, словно сразу позабыв о Мари и Луизе, Курбе отыскал среди гостей рыжебородого тщедушного человека, жестом подозвал к себе и, тыча ему в грудь дымящейся трубкой, закричал:

— И ты смеешь, Эжен, болтать о великих традициях прошлого! Да?! Да ты пойми, рыжая голова, во французской кастрюле сейчас кипит рагу, в которое ввалено дерьмо, и, сколько бы они ни пытались улучшить вкус этой жратвы добавками лавра — я имею в виду Клемана Лорье — и даже оливок — подразумеваю Эмиля Оливье⁷, — не поможет! Единственный

выход: вышвырнуть дерьмовое рагу в помойку! — И, помолчав, спокойно: — Пойми, нам нужны революция восемьдесят девятого года на новой основе и конституция, созданная свободными людьми, нами!

Луиза посмотрела на Курбе с уважением: он верил в то же, во что верила она.

Поставив на помост кружку, она поднялась и отошла к мольберту с незаконченным полотном. Намеченные резкими штрихами угля, угадывались человеческие фигуры, в правом верхнем углу прописанное красками дымилось тучами ненастное небо, просвеченное лучом солнца. Луиза пошла вдоль стены, где, словно декорации за кулисами, стояли картины — пейзажи Франции, натруженные согбенные человеческие тела, жилистые руки, утонувшие в темных провалах глаза. Горечью и печалью и в то же время силой веяло от картин, которым до сих пор не нашлось места в музеях страны...

Услышав за спиной сопение, она догадалась: Курбе. Но не повернулась.

А Курбе громко сказал, горячо дыша ей в шею:

— Да, мадам, такое еще не удавалось никому! Я не подражаю великим, и, если хотите знать, кто я, я — курбетист, вот и все!.. А картины эти я через месяц повезу в Дижон. Я организую там выставку, и многие тысячи франков, вырученные на ней, отдам семьям бастующих с заводов Шнейдера в Крезе! Каково! И пусть любая высокопоставленная сука посмеет помешать Курбе!.. А ведь гениально, не правда ли? — И дымящийся конец трубки ткнулся в голое женское бедро.

Луиза обернулась. Курбе стоял за ее спиной. Прищурившись, он с минуту разглядывал свою работу и вдруг захохотал и схватил Луизу за руку так, что она едва не вскрикнула от боли.

— А вы знаете, мадам...

— Мадемуазель, мэтр Курбе, — поправила Луиза.

Он вскинул широкие, топорщившиеся брови, удивленно хмыкнул:

— Ну, как угодно! Я лишь хотел напомнить вам, что вопили о моих шедеврах наемные писаки. Слушайте. «Двадцать метров густо записанного полотна, пятьдесят пьяных рож, гигантизм безобразия». Каково, а? Это о «Похоронах в Орнане»! Бездарнейший Клод Виньон писал: «Боже мой, как это уродливо!» Гнусняк Вено вторил ему: «От картин Курбе воняет свалкой!» Подленький Максим дю Кан уподоблял меня чистильщику сапог! Эти лакеи Империи желали бы приручить, взять на сворку великого Курбе, чтобы он писал портреты Баденгетихи и ее недоноска! Не выйдет! О, Курбе задаст им знатную трепку выставкой в Дижоне!

— Но вы же рискуете, мэтр, — заметила Луиза.

Курбе окинул ее гневным взглядом.

— Курбе рискует всю жизнь, мадемуазель! И кто из великих не рисковал? Вы скажете: а сколько их ползало на брюхе и писало королей и инфантов? Да?! А Курбе плевал на них! Я топил бы царственных щенков в базарных нужниках!

Курбе еще раз скользнул взглядом по полотну.

— Хватит философии, мадемуазель! — Он резко повернулся к Луизе спиной и, помахивая над головой трубкой, закричал: — Эй вы, бесштаные Рафаэли! Курбе приглашает всю шатию-братию в пивную папаши Глазера на улицу Сен-Северен! Там у вашего мэтра еще имеется кредит и нас ждет грандиозная выпивка.

В глубине души у Луизы шевельнулось осуждение себе: сейчас она будет пить вино и пиво, а Теофиль мучается в каменных, заплесневелых степях!

Но неистовый Курбе ждал, с неуклюжей церемонностью согнув в локте могучую лапу. И она не посмела отказаться.

Со смехом и криком компания прошествовала до кабачка, над входом которого висела стеклянная бочка, игравшая отражениями газовых фонарей. Перед входом в пивную Курбе отбросил руку Луизы так же бесцеремонно, как схватил десять минут назад, обернулся к сопровождавшим его и жестом гостеприимного хозяина распахнул дверь.

— Эй, голоштанная империя Курбе! Мосье Глазер такой же добрый гений безденежной богемы, как папаша Лавер! Здесь вы можете пить и кутить, пока великий Курбе жив!

Луиза замешкалась и, возможно, ушла бы, если бы не ощутила дружественного пожатия. Оглянулась — Камилл и Мари.

— Не обижайтесь на мэтра, мадемуазель Луиза, — попросил Камилл. — Он большой взбалмошный ребенок, он чист сердцем и честен! Ни за какие миллионы они не смогут его купить! Ему собираются дать орден Почетного легиона, но мэтр не клюнет на золотую приманку! Пойдемте! Оттого, что мы будем тосковать по узникам Мазаса и Пелажи, никому не станет лучше...

Белые мраморные столики — на их поверхности отражения газовых рожков, на стенах гирлянды засушенных цветов, простенькая мелодия маленького оркестра, хмельной шум и гам и над всем тучная фигура Курбе — вот что осталось в памяти Луизы.

И последнее, что запомнилось ей, — стихи, которые читал, стоя на стуле, юноша, чем-то напоминавший Теофиля:

“ Курбе!.. Сплошной волной, чернее ночи,
Течет на грудь густая борода,
И в горле олимпийский смех клокочет,
Как в черных реках бурная вода.

Живописать поля леса он призван,
Коров, телят, блуждающих в лугах,
Святош пузатых и косуль капризных
И нежных женщин с песней на губах...

— Кто это? — спросила Луиза Камилла.

— Не знаете?! Это восходящая звезда французской поэзии — Эжен Вермерш! Он с нами, мадемуазель Луиза, и, если доведется сражаться, он будет в наших рядах... А сейчас позвольте мне проводить вас домой! Уже поздно!

Много раз с того вечера Луиза бывала в мастерской Курбе. Это была единственная в те тягостные дни отдушина, через которую в ее горькое одиночество пробивалась надежда.

Вскоре она узнала, что Теофиль обвиняется в заговоре на жизнь Бонапарта. Вместе с ним пойдут под суд около семидесяти человек. У кого-то из них нашли при обысках бомбы, подкинутые провокаторами Гереном и Сапиа.

Любила ли она Ферре? Она не задавала себе такого вопроса. Но все чаще останавливалась перед зеркалами, искоса поглядывала на свое отражение в витринах магазинов. Ничего, кроме горечи, это не приносило. Нервное лицо с горящими глазами одержимой, скорбный рот. Однажды спросила Марианну:

— Мама, я очень некрасивая? Да? Только откровенно.

Смущение Марианны было красноречивее слов.

— Ну о чем спрашиваешь, Луизетта! Ты не красавица, но в тебе столько обаяния, непосредственности, чистоты! Искренна и привлекательна, как никто другой, кого я знаю. А почему ты спросила, девочка?!

— Да просто так, мамочка! Не обращай внимания. — Надевая перед зеркалом шляпу, поинтересовалась: — Ты приготовила что-нибудь бедняжке Пулен?

— О, конечно! Купила фруктов, сварила куриный бульон. Надеюсь, ей от него станет лучше.

Но увы, Пулен уже не могли помочь ни бульон, ни фрукты. Когда Луиза вошла в палату, на постели Николь лежала похожая на мощи старуха с ввалившимся ртом. На вопрос Луизы сиделка развела руками.

— Мадам угодно спуститься в морг?

Помедлив, Луиза положила на тумбочку возле изможденной старухи фрукты и поставила бутылку с бульоном, затем вслед за усатым служителем спустилась в подвал, где в ряду других лежала прикрытая застиранной простыней Нинель Пулен. К высунутой из-под простыни, словно выточенной из гипса ноге была привязана картонная бирка с ее именем.

Сразу после больницы пойти домой не могла, бродила без цели по улицам, потом направилась к мастерской Курбе. Сейчас это было для нее единственное родное убежище.

Камилл увидел ее на пороге и пошел навстречу с кружкой в руке. Как и всегда, здесь шумели, спорили и пили вино.

— Что случилось, Луиза? — встревоженно спросил Камилл.

— Умерла Пулен.

— Но ведь вы ожидали этого, Луиза.

— Да, Камилл. Но меня гнетет, что ее похоронят в могиле для неимущих, словно последнюю нищую. И у меня нечего продать, чтобы купить место на кладбище.

— О, Луиза! Вы забыли, что вы не одна!

Он подвел ее к столу, и все раскланялись с ней, подняв кружки. Ей подвинули скамейку, и она села возле величественного Курбе. Луиза еще ее понимала, что собирается Камилл сделать, а на залитый вином и пивом стол уже летели пяти- и десятифранковые банкноты, звенели серебряные монеты.

Насупившись, Курбе наблюдал и вдруг стукнул волосатым кулачищем по столу:

— Кто смеет оскорблять Курбе подачей непрошеной милостыни?!

Камилл выступил вперед.

— О, мэтр! У мадемуазель Луизы умерла подруга, — сказал он. — Нужно достойно предать ее земле.

Курбе глянул на Луизу, сунул руку в карман широченных шаровар и вытащил комок смятых кредиток.

— Этого, думаю, хватит? — Он бросил деньги на стол и положил Луизе на плечо тяжелую лапу. — А теперь — вытереть слезы, мадемуазель! Мертвым — мертвое, живое — живым. И утешьтесь: даже царей и императоров не минует могила...

Он залпом опорожнил кружку.

— А засим, мадемуазель, текущие дела! Представьте себе... Без всяких притязаний со стороны Курбе, несмотря на Дижонскую выставку, он представлен к ордену Почетного легиона. Каково?! Вот высочайшая грамота, и взирайте, друзья, как великий Курбе плюет на императорский манускрипт!

Он взял лежавший перед ним лист гербовой бумаги с орлом и красными печатями, харкнул на него и, измяв, швырнул в угол.

— О, им не подкупить Курбе ни подачками, ни орденами! Должен вам заметить, сударыня, что министр изящных искусств мосье Морис Ришар, коему следовало бы заведовать общественными нужниками, а не искусством, даже не соизволил спросить Жана Дезире Гюстава Курбе, жаждет ли оный получить блестящую погребушку! Да если бы я захотел, я мог бы украсить такими регалиями весь свой широченный зад!.. И вот, мадемуазель, что Курбе отвечает так называемому министру. — Он взял со стола второй лист бумаги. — Читаю! «Когда правительство берется награждать кого-либо, оно узурпирует общественную функцию. Курбе никогда не принадлежал никакой школе, никакой церкви, никакому учреждению, никакой академии и, главное, никакому режиму, исключая режим свободы! И награда, исходящая от любого из названных институтов, для пего неприемлема!» Каково, а?

Откинувшись на спинку кресла, Курбе победоносно захохотал.

— По сему поводу, друзья, полагается выпить! Отправимся-ка в цитадель «сжатых кулаков», сиречь в кафе «Мадрид», к папаше Лаверу. Необходимо, чтобы об отказе Курбе знали все! Иначе правящие сволочи просто замолчат его!

Камилл взял Луизу под руку, и она пошла вместе со всеми. Компания Курбе посетила в тот вечер множество значных мест. И всюду поклонники Курбе ликовали:

— Перед лицом подлой власти вы, мэтр, подтвердили несокрушимую веру в принцип свободы! О, вы оправдали данные вам клички: «Курбе без курбетов» и «Несгибаемый Курбе»!

А потом Камилл проводил Луизу домой. Там были слезы Марианны и ночь без сна, а на следующий день — похороны. Печальной церемонией руководили Камилл и Мари. Похоронив Пулен, они прошли к могиле Бодена, — памятника на ней так и не разрешили поставить, но на плите лежали свежие цветы.

За последнее время Луиза посетила не один судебный политический процесс. Началось это для нее с комедии суда в Туре, где Пьера Бонапарта судили за убийство Нуара. Она поехала туда вместе с Мари. В одном вагоне с ними жандармский конвой вез Рошфора, Мильера и Груссе для дачи свидетельских показаний.

На процесс в Тур ехала вся парижская журналистская братия, члены Международного Товарищества Рабочих, юристы, вагой напоминал растревоженный муравейник, — на все лады судили и рядили о предстоящем процессе. Один из журналистов объяснил Луизе:

— Верховный суд состоит из генеральных советников, ни один из них не посмеет твякнуть в сторону Тюильри! Вот увидите!

Подъезжали к Туру. По каменному мосту переехали серебряно-синюю Луару, на том берегу высились знаменитый собор Сен-Гатиен с двумя башнями и церковь Сен-Жюльен, построенные, кажется, еще в двенадцатом веке. Боже мой, какая старина, сколько видели эти камни, сколько преступлений и подвигов!

До начала заседания оставалось около часа, и Луизе захотелось побыть одной. Она прошла по улице Националь, постояла перед памятниками Декарту и Рабле, посидела на камнях набережной, бездумно следя за проплывающими мимо баржами и лодками.

Да, это был не суд над убийцей, а подлая комедии. Председательствовал упитанный и ленивый Гландаз, похожий в черной мантии на жирного каплуна. А императорский адвокат Гранпере, защищавший убийцу-принца, то и дело перебивал и оскорблял свидетелей обвинения. Впечатление складывалось такое, будто судили не убийцу, а несчастного Виктора Нуара, покоящегося под двухметровой толщей земли в Нейи!

Как и предвидели журналисты, процесс закончился оправданием. Судьи приняли версию принца, будто Виктор Нуар первый ударил его и он, принц, стрелял в Виктора, защищаясь. Правда, убийцу обязали выплатить семье убитого несколько тысяч франков, но для высокодержавного кармана это были пустяки.

— Справедливость торжествует! Да здравствует справедливость! — язвительно заметила Мари, спускаясь по ступеням суда.

С тех пор Луиза не пропускала ни одного крупного политического процесса, хотя и присутствовала на них лишь как безмолвная свидетельница обвинения режима. Судили за так называемые заговоры, за оскорбление государства и императора, за протесты против надвигающейся войны с Пруссией. В один из таких дней она записала в свою тетрадь:

“ Бандит желает жить!

Он жаждет освежать свои увядшие лавры в крови.

Пусть Франция погибнет: ему нужны битвы!

Презренный! Слышишь ты во дворце, как грозно идут по улицам люди!

Близится твой конец! Видишь ли ты в своих страшных снах,

Как идут они, люди, кровью которых ты сейчас упиваешься?!

Да, дух войны уже витал в воздухе, по департаментам шла мобилизация, миллионы франков вышвыривались на наем мобилей и их обучение. Но... война грянет чуть позже, а пока...

А пока — манифестации, митинги, собрания, суды, суды, суды!

Тринадцатого июля Риго приговорили к тюрьме и штрафу за его брошюру, где вскрывались тайны прихода Луи Наполеона к единовластию, механика плебисцита, когда провинциальная Франция, обманутая обаянием великого имени и щедрыми посулами Баденге, отдала огромное большинство голосов бездарному и бесславному родичу державного завоевателя.

Во время суда над Раулем Мари и Луиза сидели в первом ряду, им были хорошо видны и злобная ухмылка Дельво, и змеиные глазки прокурора, и безмятежный, спокойный Риго. Он и здесь оставался верен себе и в последнем слове, не раз прерываемый прокурором и

судьей, сказал:

— Между народом и его врагами идет бой не на жизнь, а на смерть! Берегитесь, ваше бесчестие, мосье Дельво, и вы, господин имперский прокурор! Революция не за Вогезами, она — рядом, разве вы не слышите ее могучей поступи?! Мне жалко вас, слепые кроты!

И когда жандармы уводили Риго, он улыбался Луизе и Мари и кричал через плечо:

— Привет нашим! До скорой встречи!

Вечер Луиза и Мари провели вместе. Выпили по чашечке кофе в «Спящем коте», прошлись по Большим бульварам. И было странно видеть, что ничто в Париже не изменилось: так же призывно сияют разноцветные окна кафе и ресторанов, так же зеркально блещут витрины и катятся по улицам омнибусы и кареты, так же пьют свои аперитивы завсегдатаи.

— Вот убьют палачи завтра половину Парижа, — горько заметила Луиза, — а вторая половина будет как ни в чем не бывало плясать и петь! Есть в этом, Мари, нечто чудовищное. Правда?

Луиза проводила Мари, дома у Ферре их ждала еще одна печальная новость. Забегал кто-то из друзей Теофиля и сообщил, что его и других обвиняемых прошлой ночью увезли в Блуа, послезавтра там начнется над ними суд.

— О, они боятся судить их в Париже! — сказал отец Теофиля. — Они трясутся от страха!.. Поверьте, мадемуазель Луиза, я не революционер, но, клянусь вам, если бы я был моложе, я встал бы сегодня рядом с сыном!

На следующий день с первым утренним поездом Луиза и Мари отправились в Блуа. Это старинный город на берегу Луары, первая большая станция за Орлеаном.

Так же как и во время поездки в Тур, тянулись за пыльными вагонными окнами пожелтевшие под июльским солнцем поля, махали крыльями ветряные мельницы, плыл над землей пасхальный перезвон коровьих колокольчиков. Но Луиза почти не замечала прелести пейзажа: так сильна была ее тревога за Теофиля.

В Блуа приехали поздно, на вокзальной площади уже горели газовые фонари. Над городом копилась свинцовые тучи, и поблескивала за парапетом набережной искрящаяся вода Луары.

Переночевали в меблированных комнатах чопорной мадам Крузе, подробно осведомленной о редкостном для их города событии. Мадам возмущенно ахала и всплескивала руками, кляла смутьянов, которые мешают достойным людям спокойно почивать под их перинами.

— О, я бы не сразу убивала таких, а сначала резала бы на мелкие кусочки! — с кровожадным блеском в глазах восклицала мадам, потрясая руками. — О, я бы...

— А ну, закройте дверь с той стороны! — во весь голос крикнула Луиза, рванувшись к хозяйке.

Ах, каким взглядом окинула ее достойная мадам, какой ненавистью полыхнули подкрашенные глазки! Если бы деньги за комнату не были уплачены вперед, она, вероятно, выставила бы крамольных постоялиц на улицу. «Вот она, провинциальная Франция, — с горечью думала Луиза, — вот кто голосовал на плебисците за продление президентских полномочий Бонапарта вопреки конституции».

Утром Луиза и Мари, не прощаясь, покинули негостеприимный пансионат мадам Крузе и отправились бродить по улицам тихого Блуа. Поднялись в старинную часть города с его крутыми, извилистыми улочками, где на самой вершине вздымался к небу дворец-крепость. В его стенах некогда появился на свет один из многочисленных Людовиков, Людовик Двенадцатый, — этим гордилась даже самая последняя нищенка Блуа. Луиза помнила из истории, что в «черной комнате» этого замка Генрихом Третьим были убиты кардинал Луи и Генрих Гиз, что именно здесь скончалась печально знаменитая Екатерина Медичи, вдохновительница Варфоломеевской ночи.

Подруги посидели на скамье возле церкви на высоком обрыве над Луарой. Река струилась внизу спокойно и величаво, как, наверно, и тысячу лет назад: и тогда, когда полуголые рабы победоносного Рима под плетями высекали вон в тех коричневых скалах желоба водопровода, и когда возводился над Луарой каменный, на одиннадцати арках мост, и когда на площадях тихого городка погибали в огне костров еретики. Два паруса белели над безмятежной синью, кроваво краснели на том берегу черепичные крыши предместий.

— Знаешь, Мари, — негромко заговорила Луиза, — последнее время я живу как-то странно, от суда до суда, будто бы между судами, процессами нет никакой другой жизни! Будто вся Франция, а точнее, весь Париж стоит обвиняемый перед многочисленными дельво и гландазами, словно весь мир — одна большая судебная палата или тюрьма! Каждую ночь засыпаю с ожиданием полуночного жандармского стука в дверь...

По-детски подперев подбородок кулаками, Мари не ответила, задумавшись, разглядывала распахнувшийся за рекой мирный пейзаж, уходящие вдаль поля и холмы с ветряными мельницами.

И, помолчав, Луиза продолжала так же негромко, будто размышляя вслух:

— Откровенно, Мари, мне сейчас хотелось бы быть в тюрьме, чтобы хоть в страданиях сравняться с ними, Припать на свои плечи часть тяжести, что выпала на их долю...

Совершенно неожиданно Мари громко и искренне расхохоталась, милые морщинки легли в уголках глаз.

— Э, нет, Луизетта! Не выйдет. А кто тогда станет носить Теофилю и Раулю в тюрьму сигары и табак, спаржу и каштаны?! Они же затоскуют без курева, эти дымари! Нет, наш долг, Луизетта, поддерживать их отсюда, с воли, помогать, чем можно! Ну хорошо, Раулю дали четыре месяца, а Теофилю могут присудить Кайенну, ведь придется думать о возможности

побега... — На секунду Мари замолкла, потом продолжала грустно и просто: — А ты права, Луизетта, так и живем: от ареста до ареста, от приговора до приговора... Ты не знаешь, я тебе никогда не говорила, а ведь я так люблю Рауля, что отдала бы за него всю мою кровь, каплю за каплей. Но я не попытаюсь увести его с пути, который он выбрал.

Слушание дела должно было состояться в зале государственных заседаний Блуа, самом помпезном помещении города, украшенном портретом императора, позолоченными орлами и знаменами. Великой для себя честью городские власти считали решение именно у них провести процесс, коему предстоит на шуметь на всю Францию, а может, и на весь мир. Они постарались обставить судилище со всей возможной пышностью и торжественностью.

Еще до начала заседаний зал оказался переполнен, Луиза и Мари приткнулись на боковых местах у стены. В первых рядах восседали мэр и префект с супругами, чиновная и купеческая знать, «святые отцы», самодовольные рантье, упитанные и усатые, такие важные, словно являлись солью земли. Местные львицы в шляпках, увенчанных искусственными цветами, в валансьенских кружевах. О, с какой ненавистью и страхом всматривались они в обвиняемых, когда тех жандармы вводили в зал.

Луиза принялась считать арестованных, по, когда ввели Ферре, сбилась. Позже узнала, что из семидесяти двух, привлеченных к суду по делу о заговоре, властям удалось арестовать лишь человек пятьдесят, остальным в том числе Гюставу Флурансу и Шарлю Жаклару, удалось скрыться.

Луиза впиалась взглядом в Теофиля, — он похудел, глаза ввалились, но блестели тем же неистовым блеском, как всегда. Луиза вскинула руку и помахала, и Ферре, беглым взглядом обводивший зал, увидел ее и Мари, — посеревшее лицо осветилось улыбкой.

Кто-то рядом с Луизой называл подсудимых:

— ...Дюпон, Гронье, Фонтен, Тони Муален, Нотриль, Карм...

Когда подсудимых усадили за решеткой, окруженной двойным рядом конвоя, Луиза перевела взгляд на судейский стол, на кафедру прокурора, на скамьи присяжных заседателей.

За ее спиной глуховатый голос пояснял:

— Сей старый крокодил, председатель суда Дзанджакоми, еще при Луи Филиппе сгноил в тюрьмах сотни республиканцев. В сорок восьмом тоже никому не давал пощады! Цепной пес верно служит тем, кто швыряет ему куски мяса... А теперь ты взгляни на присяжных. Вон какие жирные подобраны! Они удавят любого, кто посягнет на их поместья и замки.

Луиза оглянулась и встретила взглядом с худощавым сероглазым бородачом, она не раз встречала его в редакции «Марсельезы». Он, наверно, тоже запомнил Луизу, улыбнулся и поклонился.

— А кто адвокаты? — спросила она. — Вы, видимо, всех знаете!

— О, адвокаты весьма и весьма надежны. Прото и Флокс. Особенно дерзок Флокс, он справа, видите? — такой экспансивный блондин. Это он на нашей выставке крикнул российскому самодержцу свое знаменитое «Да здравствует Польша, милостивый государь!», имея в виду подавление Краковского восстания.

— И ничего ему не сделали?

— Представьте, нет, как ни удивительно... Но тс-с, занавес поднимается...

Процедура началась анкетным опросом подсудимых. Обрюзгший, с висячими бульдожьими щеками, испещренными склеротическими жилками, судья Дзанджаками задавал вопросы небрежно, демонстрируя высокомерное равнодушие к заведомо обреченным.

Опрошен один, второй, десятый. И вот, жмурясь сквозь очки, судья произнес дорогое Луизе имя:

— Теофиль Шарль Ферре!

Теофиль, не торопясь, встал, поправил косо сидевшее на носу пенсне и, опершись рукой о барьер, вскочил на скамью. С презрением оглядел притихший зал и лишь тогда повернулся лицом к суду.

— Я не стану отвечать на ваши вопросы, судья Дзанджаками! Перед такими, как вы, не оправдываются и не защищаются! Прикажите отвести меня обратно в камеру! Я не в состоянии преодолеть чувство омерзения, охватывающее меня, когда я слушаю вас! Раз уж вы держите нас в своих подлых руках — убейте! Я даю вам дельный совет. Иначе скоро придет ваша очередь сидеть на этих скамьях, и тогда вы найдете в нас людей с надежной памятью! Я отказываюсь давать показания и принимать участие в гнусной комедии, которую вы называете судом! Вы гляньте, судья, на присяжных! Где вы набрали этот жирный самодовольный сброд?!

Луиза инстинктивно рванулась вперед, но Мари удержала ее, усадила обратно.

— Бесполезно, Луиза! Ты мало его знаешь!

Сидевшие в передних рядах вскочили, мужчины размахивали тростями, женщины зонтиками, все кричали. А Ферре стоял, скрестив на груди руки и улыбаясь странной и словно бы о чем-то или о ком-то сожалеющей улыбкой.

Луиза бросила взгляд в зал, — если бы этим буржуа позволили, они растерзали бы Теофиля на куски. И только на балконе, где она заметила рабочие блузы и поношенные пиджаки, оглушительно хлопали сотни ладоней.

Прошло не менее десяти минут, прежде чем зал стих.

— Подсудимый Ферре! — сдавленно произнес в наступившей тишине Дзанджаками. — За оскорбление суда я удаляю вас с сегодняшнего заседания! Если вы не одумаетесь, у нас

достаточно показаний, чтобы судить вас. Завтра вас приведут сюда снова!

— Сам я не приду! Меня принесут! — крикнул Ферре.

— Если понадобится, принесут даже мертвого! — огрызнулся судья.

Все, что происходило дальше, Луиза почти не воспринимала, будто видела сквозь сон. Не дождавшись конца заседания, Мари увела Луизу на берег Луары, и там они долго сидели молча.

И так же текла под горой Луара, и так же, как утром, безмятежно белели на ней рыбацкие паруса, и так же перечеркивали реку ажурные мосты.

Сколько времени просидели они на берегу, Луиза не знала. Но вот Мари поднялась и решительно скомандовала:

— Пойдем.

— Куда?

— Во-первых, нужно устроиться на ночь. А во-вторых, необходимо повидать адвоката Флокса. Ведь в Париже утверждали, что показания свидетелей обвинения лживы! Значит, для спасения Тео требуется опровергнуть эту ложь.

С трудом они отыскивали в переполненном городе крошечную каморку для ночлега, заплатили втридорога и отправились в комфортабельную гостиницу, где остановились адвокаты Прото и Флокс. Около ярко освещенного подъезда дежурил полицейский, стояли наготове фаэтоны. Отовсюду неслись истошные вопли газетчиков.

Луиза купила вечерние газеты, и, стоя под фонарем, они с Мари бегло просмотрели отчеты о суде. В мирном католическом Блуа выходили лишь официозные издания, и — боже мой! — какими чудовищами выглядели на их страницах пойманные с поличным несостоявшиеся убийцы любимого императора. Теофиль рисовался дьяволом, вырвавшимся из преисподней, садист и эгоист, он замучил свою добродетельную семью: папашу Лорана и двух Мари — маму и сестру, он картежник, пьяница и развратник!

Скомкав газеты, Луиза с отвращением швырнула их в урну.

Благодаря обаянию Мари им удалось проникнуть в номер гостиницы, где сопел над ворохом бумаг разъяренный мосье Флокс. Узнав, кто перед ним, он накинулся на Луизу и Мари с бранью:

— Вы видите, что вытворяет ваш глупец?! Я бессилен защитить его, если он сам лезет в петлю! Он самоубийца! Разве можно харкать в лицо присяжным, от которых зависит приговор?! Да теперь об оправдании и думать нечего! Ах, мадемуазель, мадемуазель, вы поймите, в какое положение он ставит и меня, и себя, и своих товарищей по делу! Ведь злоба, вызванная оскорблением суда и присяжных, скажется на всех обвиняемых! Ну как я

стану их защищать?!

Полный, рыжеволосый, чуть седеющий, с пышными бакенбардами и удивительно острыми мышинными глазками, Флокс бегал по номеру, взмахивая коротенькими руками.

Наконец, придя в себя от приступа гнева, адвокат обнаружил, что его гости все еще стоят посреди номера, извинившись, усадил их, вызвал горничную и приказал принести коньяку и кофе.

Какое-то время все трое молча пили кофе, а потом Флокс, откинувшись на спинку кресла, произнес неожиданно задушевно и тепло:

— А ведь именно вы, мадемуазель, можете помочь и мне, и вашему Теофилю, и другим обвиняемым. Именно вы...

— Но как? — не дав досказать, перебила Луиза.

— А вот так! — С силой швырнув недокуренную сигару в распахнутое окно, Флокс склонился через стол. — Завтра утром я увижусь с Ферре. Я ни в чем не могу убедить его, он упрям, как мадридский бык на арене. Но вы... Попробуйте вы, мадемуазель! Напишите письмо, и передам! Убедите дурака и упряма, что губит он не только себя, он губит товарищей, ставит под удар не одну свою жизнь! У меня есть возможность многое опровергнуть в обвинениях, предъявленных Теофилю Ферре. Но мне необходимо, чтобы этот бешеный человек помог мне.

Флокс снова откинулся на спинку кресла, с ожиданием смотрел на Луизу и Мари карими глазами.

Наступило молчание, в открытые окна с улицы доносились голоса, смех. В ресторане внизу приглушенно звучала музыка.

Флокс встал, отошел к письменному столу, взял стопку чистой бумаги, карандаши и вернулся. Положил бумагу и карандаши перед Луизой и Мари.

— Что нужно писать, мосье Флокс? — тихо спросила Мари.

Он посмотрел почти с негодованием: ох, женщины, ни черта не понимают!

— Пишите! Если он заботится не только о себе, если ему дорога жизнь товарищей, пусть откажется от фанфаронства, от якобы героической позы! Пусть примет активное участие в процессе, поможет своими показаниями изобличить ложь провокаторов. Именно так я понимаю его гражданский, республиканский долг... Вот, мадемуазель!.. Пишите! Я не стану мешать. Я удаляюсь на полчаса к моему коллеге мосье Прото.

Остановившись перед зеркалом, пригладил седеющие полосы, надел пиджак и ушел.

Луиза и Мари остались одни. То, что они писали Теофилю, было исполнено любви и нежности, но... «Подумай о завтрашнем дне, Теофиль, о тех, кто посажен рядом с тобой на скамью подсудимых, их жизнь необходима революции».

Когда Флокс вернулся, послание к узнику было завершено.

Ночь тянулась для Луизы невыносимо медленно. Стоило забыться, как наваливались кошмары: блуждала по темным, загаженным лабиринтам, спотыкаясь не то о трупы, не то о тела спящих, убегала от свирепой собачьей своры.

Трудно описать, с каким волнением на следующий день всматривались Луиза и Мари в обвиняемых, когда те один за другим проходили между плотными рядами полицейских! Когда вошел Ферре, все задвигались в зале и на скамьях присяжных. Судья Дзанджакоми не смог сдержать язвительной усмешки.

— Ага, Ферре! Вы все же явились?

Теофиль ответил с вызовом:

— Да, судья! Пришел разоблачить вашу гнусную ложь!

Дзанджакоми сердито постучал по столу:

— Обвиняемый Теофиль Шарль Ферре! Если вы по перестанете оскорблять суд, я снова прикажу отвести вас в тюрьму! Попятно?!

— Ну еще бы! — усмехнулся Ферре, усаживаясь у решетки. Отыскал глазами Луизу и Мари, кивнул.

С первых же допросов обнаружилось, как неуклюже состряпано дело: показания одних опровергались показаниями других, свидетели обвинения путались и терялись под перекрестными вопросами адвокатов.

Слушая, Луиза и Мари замирали от страха, а Теофиль сидел, невозмутимо сложив на груди руки, словно речь шла совсем не о нем. Его обвиняли в том, что он настаивал на убийстве императора, иных обвинений против него не выдвигалось.

Спокойствие Ферре объяснилось неожиданно просто! По окончании допроса свидетелей он с разрешения Дзанджакоми спросил:

— Прошу уточнить дату, когда я якобы присутствовал на конспиративном собрании и призывал к убийству обожаемого императора! Если мне не изменяет память, так называемые свидетели говорили о четырнадцатом мая прошлого года? Да?

— Да.

Ферре склонился через барьер к Флоксу, и тот, встав, торжественно извлек из портфеля какую-то бумагу.

— Ваша честь! Я прошу приобщить к делу следующий документ. Разрешите огласить?

Дзанджаками хмуро кивнул.

Флокс медленно и торжественно произнес:

— Справка начальника тюрьмы Сент-Пелажи от пятнадцатого июля сего года. Читаю. «Заключенный Теофиль Шарль Ферре отбывал наказание во вверенной мне тюрьме с февраля 1869 года в течение трех месяцев, а затем по дополнительному приговору еще два месяца за организацию бунта в тюрьме. За указанный срок заключенный Теофиль Шарль Ферре стен вверенной мне тюрьмы не покидал». Подпись.

Флокс бережно положил документ перед собой, разгладил его и обратил деланно смиренный взгляд к судье.

— Спрашивается, ваша честь: как мог мой подзащитный Теофиль Шарль Ферре присутствовать в мае прошлого года на конспиративном собрании, если...

Договорить адвокату не удалось, криками и аплодисментами обвальюно загремели хоры, заполненные студенческой и рабочей молодежью. Передние ряды партера молчали, присяжные сидели неподвижно. Судья беспокойно перекидывал с места на место лежавшие перед ним листки.

А Флокс, переждав аплодисменты, продолжал:

— Повторяю, ваша честь, я, как адвокат подсудимого, ходатайствую о приобщении сего документа к протоколам суда. А лжесвидетелей необходимо привлечь к ответственности за дачу ложных показаний.

Мари и Луиза торжествующе переглядывались.

Суд вынужден был оправдать Ферре, и через три дня у ворот тюрьмы он обнимал сестру и Луизу. Правда, для многих друзей Теофиля процесс закончился осуждением, но, по его словам, лишь немногие из них поддались отчаянию: поступь революции слышалась все отчетливее, несмотря на шовинистический угар, охвативший Францию при слухах о неизбежной войне с Пруссией.

...И вот снова мелькали за вагонными окнами желтые, обожженные июлем поля, размеренно помахивали решетчатыми крыльями ветряные мельницы, неся назад пересыпанный искрами паровозный дым. Но с иным чувством смотрела сейчас на это Луиза! Теофиль сидел напротив, отпуская безобидные шуточки, смеялся, хотя взгляд его таил усталость и беспокойство.

— Если бы не близорукость, — сказал он, — мне наверняка пришлось бы надевать солдатскую шинель и брать в руки шаспо! Но, клянусь, как бы я ни ненавидел пруссаков, я

не сделал бы ни одного выстрела в защиту Империи.

Версия #1

Зверобой создал 23 июня 2025 22:56:43

Зверобой обновил 23 июня 2025 23:00:23